

Фёдор Быханов

Золотая пещера

(Попутчик-2)

Часть первая. Крепость была непреступной

Глава первая

...Осень тогда выдалась жаркой.

Все начало сентября палило раскаленное солнце. Редкие порывы ветра когда и налетали, только не для того чтобы освежить, а наоборот — отогнать облака, как последнее препятствие жарким лучам, взбесившегося светила.

Но, как знал Калуга из метеосводок, так было лишь у них в Файзабаде. В месте постоянной дислокации основных сил десантников.

В том числе и корпуса специального назначения, и бригады во главе с полковником Никифоровым. В одном из подразделений которого проходил Сергей срочную службу. На деле, на все два года была она связана с выполнением десанником интернационального долга.

И не мог он с сослуживцами не радоваться тёплой осени. Но, только когда выходили в караул

на самой авиабазе. Зато там, где и несли постоянную дозорную службу десантные подразделения — на высокогорных перевалах Гиндукуша, уже «во всю ивановскую» гуляла снежная поземка. Обещая вот-вот завалить непроходимыми сугробами не только вьючные тропы, но и автострады.

Эти предвестники зимы заставляли спецназовцев «на боевом задании», как о пределе мечтаний, думать о Файзабаде, где по ночам, в их уютных брезентовых казармах не нужно лезть в спальники прямо в бушлатах. Да и днем можно позагорать на скамейках спортивного городка части.

Иного мнения придерживались лишь штабисты.

Встречая тех, кто вернулись с очередного дежурства в укрепрайонах с обмороженными лицами, они только что не удивлялись вслух о том, как так могло случиться подобному в их солнечной долине?

Сергей Калуга как раз и мог бы ответить на такой вопрос. Но знал наверняка, что об этом его никто уж точно спрашивать не собирался.

Вот и сегодня, вернувшись с очередного боевого задания и едва сойдя по алюминиевому трапу с вертолета на горячие плиты аэродрома, как поступил новый приказ:

— Бойцам, сразу после традиционной бани, немедленно следовать в медицинский батальон проходить врачебную комиссию.

Услышав его по радиотелефону, их ротный командир — старший лейтенант Воронцов удивился не меньше других:

— Что за спешка? Хоть бы отдохнуть дали после декады, проведенной на крыше мира — в афганском заоблачном рае — в Припамирье?!

Но приказ есть приказ.

Не покейфовав по-настоящему, в парной, не приняв на себя и по кубометру горячей воды на брата, покорные десантники повзводно потянулись в сторону палаток с, намалеванными на раскосых боках, красными крестами.

...Врачебная комиссия была самой обычной.

После измерения роста и веса, каждого прогоняли через ряд столов с, сидевшими там, врачами. Разве что подольше других задерживались у старшего в этой медицинской карусели — сколь густо седобородого, столь же и плешивого старика.

Розовой физиономией и бугристым носом он напоминал, кого-то до боли знакомого:

— Ну, вылитый доктор Айболит! — наконец дошло до Сергея Калуги, когда старик, сам внимательно всмотревшись в его лицо, довольно потер мягкими пухлыми ладошками.

Точно так, как орудует лапками, севшая на

хлеб, муха.

— Молодец, гусар! — не удержался «Айболит» от старомодной оценки состояния здоровья десантника.

Видимым венцом его полнейшего удовлетворения стала процедура вынимания из кармана белого халата — носового платка с последующим трубным звуком, обычно издаваемым обладателями хронического насморка.

Айболита, по его восторженному высказыванию можно было бы понять лишь наполовину:

— Высокий стройный парень, с буграми мышц на тренированном теле, мог бы, разумеется, стать хорошим приобретением в качестве рабочей силы.

Но, где-нибудь подальше от штабных коридоров. Где совсем лишней была бы его, коричневая от загара, физиономия. Сегодня еще и с шелушащейся кожей на обмороженных губах.

— Следующий! — отсморкавшись, велел старик.

Разом словно потерявший интерес к Сергею после того, как платок вновь очутился на привычном месте — в кармане халата.

После посещения медицинского батальона десантников ожидал уже добрый сюрприз. Потому, как ни досадна была каждому — горькая пилюля

внеочередной медкомиссии, все же и её сумели подсластить корпусные повара.

Выданный ими в столовой ужин, одобренный двойной порцией консервированного абрикосового компота, сделал свое немудреное дело:

— Примирили каждого с неизбежностью подобных армейских неожиданностей!

— А я люблю такие проверки, — после отбоя поделился с другом, лежащий прямо над Сергеем на их двухэтажной койке, Алексей Абраменко. — Девчонки там, в медбате такие «симпатичные», что и еще бы разок заглянул, чтобы поближе познакомиться.

— Ага. Бежит по полю симпотярка, звать — Тамарка, с большою клизмой в руке! — дурашливо пропели в глубине их длинной брезентовой казармы.

Явно намекая, на то, как хотел избежать, да не смог тот же Абраменко, унижающей мужское достоинство всякого, пробы на яйцеглист.

— Сам ты — клизма! — отругнулся Алешка.

После чего, совсем без перехода, будто кончилась батарейка в его неугомной душе, сладко захрапел, выполняя данное еще в горах обещание: — Отоспаться разом за все бессонные ночи в высокогорье.

... Утром их взвод не будили.

Понимали, наверное, как дороги минуты

настоящего отдыха, после томительной «отсидки» в «холодильной камере» секретных постов укрепрайона.

Более того, ротный велел подсуетиться старшине и дневальным:

— Принести завтрак прямо в казарму сухим пайком.

И тем самым продлил удовольствие хотя бы ото сна, в качестве поощрения за добросовестное выполнение боевого задания в охранении.

Один только Калуга избежал такой немислимой заботы. Потому, что был поднят со своей постели ни свет, ни заря.

— Вставай, младший сержант, в штаб тебя кличут! — тронув его за плечо, прямо в ухо зашептал посыльный. — Да пошевеливайся.

После недолгих сборов в казарме, весь путь от расположения роты до командного пункта Сергей терялся в догадках насчет причины, столь странного, вызова на глаза начальству.

Сам же при этом проделал чисто автоматически все, что полагается в подобных случаях.

В казарме облачился в парадную форму, заправил койку и шагал за, почти пустившимся рысью, посыльным.

У младшего сержанта спецназа ВДВ Калуги при этом мысли же были далеки от происходящего.

И единственное, на что сгодилась его интуиция, так это на предположение о хорошем известии:

— Наверное, отпуск дадут.

И он довольно улыбнулся.

— Как-никак год прослужил, — мелькнуло в голове. — Пора бы!

Но и после этого мысли не стали приятнее. Наоборот, заныло на душе от конкретного выбора:

— Куда ехать?

Вариантов было не так уж и много, но они были: то ли в детский дом? То ли, в училище?

А может и на завод в общагу. Где оставались старые знакомые:

— Наверняка, до сих пор не все там забыли своего «Калужонка»!

Совсем не связывал он этот неожиданный вызов в штаб со вчерашней медкомиссией. А зря. Потому что первого, кого встретил Калуга в помещении особого отдела, куда привел его посыльный, был, как раз, давешний «доктор Айболит».

— Здорово, гусар! — встретил он его радушным хихиканьем.

Звуки, несколько похожие на довольное урчание кота, в свое удовольствие отведавшего, жирной сметаны, донесли до сержанта сразу же, едва закрылась дверь за тем посыльным, кто исполнил приказ и доставил:

— «Кого надо — туда куда нужно».

Не зная как себя вести в столь неожиданной ситуации, Сергей решил быть крайне благоразумным.

Ответил не в тон хозяину кабинета, а строго по уставу:

— Здравия желаю. Младший сержант Калуга по вашему приказанию прибыл.

Насчет приказания он слегка приврал, так как Айболит был в гражданском костюме и вовсе не походил на того, кто мог бы отдавать приказания. Разве что — медсестрам, да санитаркам-тамаркам с их противными клизмами.

Смущало только одно — сам кабинет, в котором проходила их встреча.

Еще на двери он успел прочесть табличку «Начальник особого отдела корпуса».

И хотя самого майора-особиста, строгого педанта и грозы штабных писарей, не было, Сергей сообразил, что совсем постороннему человеку тот бы свой кабинет ни за что не доверил.

— Присаживайся, младший сержант, — странный старик с седой бородкой клинышком не стал томить Калугу по стойке смирно, а пригласил к действию, куда более приятному, чем простое созерцание хозяина. — Садись, дорогой, в ногах правды, как всем давно известно, нет, и не было!

При этом Айболит доброжелательно — толстеньким белым пальцем пухлой руки указал

вошедшему десантнику на его место.

Подразумеваемая металлический стул с фанерной крышкой, привинченный к полу в метре от письменного стола.

Сам же занял место за столом напротив.

После недолгой паузы, вновь как было и вчера, он внимательнейшим образом рассмотрел внешность солдата.

После чего снова, довольно, как-то прямо по-мушиному потер руками — ладошкой о ладошку:

— Значит и медаль у тебя есть, а не только отменное здоровье.

Последовавший за ним, новый вопрос прозвучал уже иным, действительно командирским тоном:

— А вот кандидат в мастера, ты, по какому виду спорта?

— Самбо, товарищ...

— Зови просто Петр Иванович, — простецки остановил тот солдатское рвение собеседника. — А еще какие спортивные достижения?

— Первый спортивный разряд по стрельбе. Выполнил уже здесь, был в призерах по специальной подготовке.

— Значит, и ножом тогда можешь орудовать, и ногами! Это хорошо! Такой мне подойдет.

— Куда, Петр Иванович? — набравшись в

душе нахальства, в ответ на вольности старика, спросил Сергей.

— На специальное задание. Какое же? Если, конечно, братец, вызовешься на него добровольно.

— За врачами ящик с инструментами носить? Нет уж, увольте! — в ответ саркастически хмыкнул Калуга. — Мне и у себя в роте пока хорошо.

— Во-первых, младший сержант, не нужно лишних слов. Просто «да» или «нет». Во-вторых, почему ты решил, что я врач?

— Так, ведь, вчера в медбате сам Вас видел, — недоуменно отреагировал парень на внезапную жесткость, появившуюся в голосе старика.

— Я полковник Главного Разведывательного Управления! Вот моё удостоверение! — Айболит раскрыл, не протягивая ближе, вынутую из кармана темного пиджака, малиновую книжку. — Надеюсь, знакома сия служба?

Он сделал небольшую паузу:

— Нужно просвещать?

Сергея как подменили.

Он вскочил со своего стула как ошпаренный:

— Никак нет, товарищ полковник. Слышал про такую.

— Ну а тогда, — старик тоже поднялся со своего места. — С предложением, парень, надо полагать, согласен?

— Так точно!

— Ну и прекрасно. Сейчас принесут Вам личные вещи и оружие.

А еще странный полковник с внешностью героя из детской сказки приказал:

— Сдать все личное, включая вещи и документы на хранение прямо здесь в особом отделе, вместе с наградами.

И еще добавил:

— Сразу после этого — вылет. Полный инструктаж получишь прямо на месте. Что не ясно?

Сергей промолчал.

Лишь радость, светившаяся в глазах, лучше слов говорило о том, как он рад побывать в настоящем деле, а не мерзнуть ночи напролет в боевом охранении на заснеженных высокогорных перевалах.

Так и не повидавшись больше в тот день с сослуживцами, уже через час он отбыл в неизвестном направлении, вместе с полковником ГРУ, прятаясь за напускным сказочным обликом «Доброго доктора Айболита».

Его, судя по всему, специально себе опасный старик выбрал в качестве оперативного прикрытия.

И не знал младший в ту пору сержант Калуга расположение нового места своей службы до тех пор, как ни сделал в условленном месте посадку, присланный за ними, вертолет.

Глава вторая

Всей сороковой армии было доподлинно известно, что в Файзабадской бригаде спецназа ВДВ полковника Никифорова каждый просто помешан на спорте. Даже штабных писарей и тех, время от времени, заставляли сдавать нормативы. То — на гимнастических снарядах, а то — и на полосе препятствий.

Благо, хоть за годы стояния в Файзабаде поколениями десантников были сооружены отличные, по меркам Сергея Калуги, разнообразные спортивные сооружения.

Но то, что он увидел в «Хозяйстве Айболита», как про себя он продолжал называть, до сих пор еще бесфамильного Петра Ивановича, поразило его до глубины души.

Впрочем, и сама эта войсковая часть, как в том лично сумел очень скоро убедиться, тоже была не совсем обычная.

Приземлились они, что стало ясно уже по виду из бортового иллюминатора вертолѐта, в расположении обширного воинского арсенала. В пустынной местности, где, за десятки километров один от другого, внизу проплывали лишь пепелища, разрушенных до основания и брошенных жителями кишлаков, внезапно выросла, территория с нескончаемыми штабелями ящиков. Среди которых

лишь кое-где имелись лишь редкие капониры подземных укрытий.

— Все это, окруженное многими рядами колючей проволоки и минных полей, было недоступно чужакам, — догадался вновь прибывший младший сержант.

По его мнению, также выходило, что не видать здесь душманам удачи, даже проберись они даже через ту обширную зону отчуждения, где за множество километров не оставалось ни одной живой души.

Не считая, конечно, многочисленных обитателей полевых городков охранных воинских подразделений.

— Всем этим воевать можно не один год! — сообразил Сергей, когда их «вертушка», пройдя почти на бреющем полете над складами, притерлась на бетонный пяточок.

— Не мылся, не в охрану попал! — усмехнулся явной заинтересованности десантника плешивый начальник.

По, тоскливо вытянутой, физиономии парня, он, верно, понял причину его душевного расстройства:

— Здесь твои будущие сослуживцы просто от чужих глаз хоронятся.

Учебная база элитных специальных частей военной разведки — ГРУ и впрямь была устроена

основательно, как говорится, со знанием дела.

Частые визиты грузовых самолетов и вертолетов легко маскировали рейсы, когда отсюда вывозили уже не оружие и боеприпасы, а группы, отправляющиеся на задание.

И сама казарма, и учебный блок располагались внутри, огромного по площади, арсенала. Так что даже охранники не догадывались о том, кто там обитает и чем занимается?

От вертолета до этой «зоны в зоне» военнослужащих, прилетевших только что на базу, доставили прямо в кузове, крытого вездесущим брезентом, фургона.

Оборудованный на шасси самого простого грузовика «КАМАЗ», внутри, однако, он был совсем иным, чем обычные грузовики.

Ловко сделанные скамьи, столик и встроенный ящик холодильника, — сами за себя говорили, что в такой машине можно отправляться, под видом снарядов, куда угодно.

И уже точно — подальше, чем на те, всего лишь несколько километров, что по отличной бетонке промчались они до места дальнейшего пребывания Калуги.

Снова удивляться ему пришлось сразу, едва выбрался десантник из кузова грузовика.

Там, где сверху были лишь простые брезентовые палатки — казармы, под ними,

глубоко под землей, располагались удобные просторные учебные классы с отлично выполненной принудительной вентиляцией.

— Здесь можно будет безбоязненно пересидеть, даже если все вокруг полыхнет к чертовой матери, — пояснил ему Айболит, сопровождая Сергея по, круто идущей вниз, лестнице.

Как и многое другое вокруг, сверху этот спуск в подземелье был укрыт от чужих глаз и объективов чужой космической разведки, опять же простой брезентовой палаткой.

— Проходи, не бойся! Волки не съедят, — большего «добрый доктор» из сказки сказать он не успел, так как внизу, за мощной стальной дверью противоатомного убежища их встречали улыбающиеся физиономии, самых настоящих... Бармалеев.

Если бы не возгласы на чистейшем русском языке, что громко и приветливо раздались при их с Айболитом появлении, Сергей, скорее всего, мог предположить, что попал в логово душманов.

Да и все вокруг напоминало обычное афганское жилище.

Сами же его обитатели — местных жителей. Заросшие бородами, обряженные в длинные — до колен белые полотняные рубахи и широкие штаны, они хоть сейчас могли бы безбоязненно затеряться

хоть в базарной толчее, хоть на людной городской улице.

— Принимайте подельника, да не очень на него наседайте. Непросто было найти человека с такой фотокарточкой как у этого! — несколько развязано и уже совсем не врачебно — интеллигентски заявил с порога своим людям Петр Иванович.

И эти его слова, и ответный рык бородачей не мог не смутить Сергея Калугу. Теперь его провожатый совсем не походил на того доброго доктора Айболита, каким он показался ему при первой встрече в медицинском батальоне.

Скорее — на атамана злых разбойников, откровенно показавшего свою истинную сущность.

Примирился парень, с новым для себя положением, после краткого инструктажа, проведенного полковником в отдельном отсеке подземелья. Где кроме них, не было никого постороннего.

Суть того, что ему предстоит, была не столь уж необъяснимой.

Готовится, дескать, диверсионная операция в тылу душманов. И Сергей Калуга будет одним из тех, кто пойдет отдельной группой:

— Фамилии товарищей ему знать необязательно, как и его собственную фамилию — другим.

— До выхода на задание — неделя, — заявил старший по должности укротитель подземных «Бармалеев». — За этот срок тебе, как новичку преподадут все те навыки, что понадобятся на операцию конкретно от Калуги.

— Теперь все понятно, младший сержант? — официально заканчивая разговор, спросил Петр Иванович. — Понял, что от тебя требуется!

— Так точно, товарища полковник! — вытянувшись по струнке, громко отчеканил Калуга.

Теперь-то уж в его голосе не было прежней снисходительности к старшему по возрасту. Только — гордость за доверие и уверенность в том, что его он оправдает.

— Ну, вот и хорошо — иди теперь к ребятам, — радостно услышал он от нового начальника. — Главного из них ты сейчас сможешь увидеть и оценить, а зовут его Вагиз.

Полковник вдруг осекся и постарался акцентировать внимание нового служаки именно на последнем указании:

— Да ты это сразу поймешь!

Теперь уже окончательно прощаясь, Петр Иванович снова превратился в прежнего старикашку из мирного, то ли ветеринарного, то ли медицинского персонала.

На прощание он панибратски подал Сергею свою белую, пухленькую ладонь:

— Желаю всего наилучшего.

...Вагиза, про которого столь многозначительно говорил полковник, Сергей и вправду определил с самого первого взгляда.

Войдя в спортзал, он увидел, как один чёрнобородый детина, легко, будто не прикладывая к этому никаких усилий, бросил по очереди на ковер, одного за другим, сразу трех других соперников.

По собственному борцовскому опыту Калуга догадался, что так обычно бывает, когда отрабатываются приемы защиты от нападения с холодным оружием. Когда ученики без особого фанатизма отстаивают собственную неприкосновенность.

Однако, как на самом деле оказалось, не только поэтому, стоявший в центре ковра тяжеловес, словно мух раскидал своих противников.

В чем новичок вскоре и убедился на собственных боках, как только был замечен участниками тренировочного процесса, готовыми и над ним посмеяться, как это делал он, не скрыв улыбки при виде живого «кегельбана».

— А ты, салага, не рискнешь? — еще более чем прежде, ослабилась Вагиз, показывая белые ровные зубы в раздвинувшемся проеме черной густой бороды. — Может быть, действительно, мои

парни такие смешные для Вашей милости.

Не ожидая согласия, он кинул Сергею большой афганский нож.

Ловко поймав оружие, Калуга пропустил мимо ушей, явно, не полагавшийся ему уничижительный титул, потратив на показную невозмутимость слишком много мозговых извилин.

И тут же поплатился за свою неосторожность, когда слишком смело пошел вперед на чернобородого насмешника, видимо, надеясь, что собственный опыт самбиста — без пяти минут мастера спорта, поможет ему не оплошать, как все предыдущие соперники бородача.

Да только и его порыв кончился тем же, что и у других. Неуловимым движением Вагиз поймал его руку и бросил парня через себя.

— Да, придется поучиться! — уже совершенно серьезно, без намека на улыбку в глазах, жестко блеснувших искорками азарта, проговорил он.

Калуга, неожиданно посрамленный, да еще на глазах такого множества людей, перед которыми он желал выглядеть настоящим воином, не смог скрыть обиду.

Потому при этих словах, он молча смотрел на своего обидчика. Снизу вверх. Не спеша подниматься с ковра, куда его припечатал человек, по описанию полковника, должный быть —

Вагизом.

А тот уже вошел в роль старшего командира над новичком в своей команде.

— Ведь тебе-то, парень, нужно этой штукой, — он подкинул за лезвие нож и поймал его за рукоять. — Научиться владеть лучше всех нас.

Судя по всему, задача сержанта из срочного состава бригады спецназа ВДВ, ему была уже известна:

— Там, куда пошлют, ты будешь один на один с множеством вооружённых до зубов врагов, и только вот такой кинжал станет для тебя единственной защитой!

И тут обида сразу прошла. Моментально оказавшись на ногах, Калуга был готов вновь и вновь отрабатывать не получившийся пока прием.

— Где там? — заодно не утерпел Сергей и от вопроса.

И снова прокололся, выказав нетерпение и любопытство.

— Об этом еще рано! — донеслось в ответ.

Посчитав обряд знакомства им до конца благополучно исполненным, чернобородый Вагиз отдал младшему сержанту последующие руководящие указания уже на общих основаниях.

— Давай, боец, меняй одежду и за дело! — сказал, как отрезал бородач. — Всего неделя у нас на все про все!

Афганский наряд Калуга, как, оказалось, принес для себя сам.

И шапка, и длиннополая рубаша, и широкие штаны, и даже безрукавка из черного выцветшего сукна были в том самом увесистом свертке, что еще в вертолете отдал ему Айболит.

Причем все — нужного размера.

— Здесь, действительно, не шутят. Все делают так, что потом и комар носа не подточит! — сделал для себя, последний на этот день, вывод Калуга и начал переодеваться в той камере, куда указал ему идти Вагиз.

Но и после первого поражения новичок не сразу попал на ковер. В зале тренажеров, обставленном не хуже, чем у иной сборной страны по спортивным единоборствам, сначала пришлось изрядно попотеть.

— Обедаем мы раз в день — в ужин! — скаламбурил Вагиз в своем очередном наставлении вновь прибывшему к ним младшему сержанту. — Это чтобы пища не мешала занятиям, да и сам не привыкал идти в бой с полным брюхом.

Даже столь жесткие порядки не испортили настроение парня, всей душой увлекшегося новым для него делом.

А когда, наконец, оказался за столом, наверху, уже был поздний вечер. И совсем не оставалось сил справиться с богатой едой, блюдами с которой был

обильно уставлен достархан.

— Давай, парень, уминай, что дают, — велел ему, не ожидая и не приветствуя отказа, старший в команде. — Еда здесь перед тобой — на целый завтрашний день.

Тут же, не теряя времени — за общим для всей команды ужином, он познакомил новичка с остальными из своей группы, готовящейся на спецзадание.

Каримом назвался усатый, с гладко выбритой головой таджик. Олдузом — самый пожилой из их компании — сорокалетний узбек. А сам Вагиз, скорее всего, был с Кавказа.

Во всяком случае, его орлиный нос, крючковатым клювом хищной птицы, что так и нависал над усами и бородой, безошибочно выдавал в нем выходца с гор.

Русским, как и Сергей, был лишь самый молодой из прежней компании — рыжебородый Бабрак.

— Вообще я — Борис, — после ужина признался тот. — Да и тебе, видно, недолго ходить Сергеем.

Его слова Калуга вспомнил перед сном. Когда, уже гася свет в комнате, Вагиз произнес:

— С завтрашнего дня ты — Салем.

И добавил еще одну фразу. Очень значимую. Моментально, заставив Калугу вспомнить о том,

что находится младший сержант не в своей прежней казарме с друзьями-приятелями, а там, где действуют иные законы и правила:

— Если забудешь и откликнешься на прежнее имя, накажу.

Как он умеет карать оступившихся бойцов, Сергей увидел воочию довольно скоро. Буквально перед следующим ужином.

Тогда, прямо на его глазах, всесильный Вагиз, всерьез и со значением исполнил роль экзекутора. Своей кроссовкой не столько больно, сколько обидно, он отстегал за, плохо выполненный на его взгляд, борцовский прием, Бориса — Бабрака.

— Впрочем, поделом, — подумал еще тогда Сергей-Салем. — Из рыжего бойца уж точно борец — не лучше моего.

Так что не пугало его ничто, кроме мыслишки, глубоко запрятанной в подсознании, и, время от времени, оттуда всплывавшей:

— А вдруг не справлюсь с подготовкой? Вдруг не подойду? Как тогда, с какими глазами вернусь обратно в часть.

Засыпая под храп других, он не знал, что справится, как надо. Вернется же обратно в свою роту так не скоро, что половины её прежнего состава уже не будет в наличии.

Один лишь Лешка Абраменко, избежит госпиталя и дождавшись приятеля без особых

последствий, по-дружески подначит:

— Не иначе, братан, ты столько времени на сдельщине арыки копал, да камни дробил где-то у местного бая за лепешку с водой. Уж больно тощий. Ну, сущий дистрофик.

...Сейчас же Сергей никоим образом не походил на дистрофика.

Скорее наоборот. За долгие месяца боевых действий он уже превратился в живую машину разрушения. А исключительно для тайной войны, последнюю и окончательную наладку, как раз и должны были осуществить на тайной базе Айболита чернобородый Вагиз и его не менее заросшие бородами люди.

Глава третья

...Осень и в пустыне как осень.

К полудню еще иногда припекает солнце. Но стоит скрыться ему за тучами, как моментально озноб пробирает до самых костей.

А все — ветер. Не крепкий, но назойливый, он несет с, синеющего в дали, горного хребта запахи наступающей зимы — сырости, снега, дыма.

— Вот это мне уже не нравится! — первым из всей группы спецназовцев оценил возможную опасность Вагиз.

Сейчас, в своем афганском одеянии он

смотрелся иначе, чем в подземельном логове учебной базы. Ну — вылитый кочевник, волею судьбы и Аллаха занесенный в сию унылую местность.

— Откуда дым? — переспросил его Сергей, тоже заражаясь у командира дурным предчувствием.

— Вот именно, откуда?

Вскоре, приносимый ветром запах гари усилился, а затем донесся и, приглушенный расстоянием рокот многих моторов. Стало ясно, что на подходе автоколонна. И не зависимо от того — чьи идут машины? Каких военных — правительственных сил или простых кочевников? Встреча с нею не входила в планы их группы.

— Еще не время, — так и сказал Вагиз. — Наша будет только через двое суток.

Другие предпочитали молчать, тогда, как чернобородый уже сам для себя начал подсчитывать все обстоятельства «за и против», связанные с появлением странного запаха.

Пока что по всему выходило, что движется транспорт, не входящий в их оперативный план.

— Это раз, — пробормотал Вагиз про себя. Но сделал это так, что бы четверо остальных тоже слышали. — А два — как бы эти чужаки наших людей не отпугнули своим появлением.

Тем временем гарь всё отчётливее ощущалась

в порывах пустынного сухого ветра, заставляя спецназовцев готовиться к любому, вплоть до самого плохого, исходу из неожиданной ситуации.

— На все, однако, воля Аллаха! — ни сколько не нервничая, уже громче, словно желая подбодрить товарищей и, как будто отдавая приказ, вымолвил командир. — Будем ждать, авось, пронесет.

Прятаться от надвигавшейся угрозы не было смысла. Место, куда их предыдущей ночью доставил вертолет, легко просматривалось на много километров вокруг. И везде — ни куста, ни дерева. Только каменистое пустынное плато, покрытое кое-где проплешинами пожухлой травы.

Закапываться в твердый грунт тоже не имело смысла.

— Да и где было взять отбойный молоток? — понимал даже новичок — Калуга. — Горняцкий инструмент, только бы и сумевший справиться с глиноземом, армированным не хуже строительного раствора вкраплениями галечника.

Действительно, оставалось только ждать, надеясь на то, что удача не отвернется. И она была им всем до одного нужна как никогда. Так необходима удача группе, что её даже негласно вписали в планы операции, разработанной где-то «наверху». Мол, без «фарта» ничего не получится, как ни старайся.

Окончательную же задачу, поставленную для разведчиков, знал, пока, лишь один Вагиз, как непосредственный руководитель группы.

Командир, однако, совсем не торопился раскрывать свои планы. В том числе и перед новым бойцом своего отряда.

...Предыдущая неделя, состоявшая из сплошных занятий в спортивном зале, показала Калуге настоящую разницу между простой «физкультурой» у них в бригаде и настоящим спортом в тайном центре Айболита. Где всегда рядом с Сергеем был этот грубоватый и по характеру, и по сложению, человек.

Только общие тренировки, несмотря на обильно пролитый пот, не сблизили их ни малейшим образом. Те же отчужденность и недоверие чувствовались в обращении бородача к парню.

Сергей Калуга хорошо понимал, что будь на то воля этого горбоносого верзилы он, ни за что бы, не стал брать на сложное дело новичка. И потому не мог не почувствовать флёр тайны в том:

— Почему именно на нём остановил свой выбор Айболит, занимавшийся отбором каждого в эту пятерку?

Да только у кого спросить?

Даже Бабрак, более других сблизившийся с Калугой по причине своей славянской общности, и

тот не откровенничал особо в их, и без того редких, разговорах.

Не вступился и после того, как при всех, Вагиз отчитал Калугу за какую-то мелкую оплошность.

Давая при этом понять, что «каждый несет свой рюкзак»:

— Если провинился, то лично и отвечай.

Тем временем, ближе к вчерашнему вечеру, подходила пора окончательного решения командира насчет конкретного участия Калуги в предстоящем секретном задании.

Сергей с каждым часом ждал экзамена. Особенно с душевным трепетом он готовился показать — насколько преуспел за эти дни тренировок в обращении с ножом.

Но ничего похожего на испытания и не было.

За ужином, когда Сергей, насытившийся до отвала, отодвинул от себя очередную миску с вареным мясом, Вагиз повелительно заметил:

— Надо есть больше!

И добавил, чуть убавив строгости:

— Сегодня ночью убываем. А там, как знать — когда удастся перекусить?

Ночью и вправду их подняли, отвезли к вертолету, а после долгого полета высадили здесь — в каменной пустыне.

За прошедшие время бездельного ожидания

— неизвестно чего и борьбы с пронизывающими порывами ветра, не произошло ничего особо примечательного. Если не считать, запомнившееся Калуге, тревожное ожидание, так и не появившейся в тот день, автоколонны.

Еще сутки минули с тех пор.

Вновь наступила ночь, оказавшаяся для них с ожидаемым исходом. Сначала донесся гул многих моторов. Потом лучи фар полоснули по пустынной каменной долине, заставив группу Вагиза готовиться к посадке:

— Наша машина идет последней. Не мешкать, ни секунды когда подам команду, — велел командир.

Это и был, видимо, срок, начала, одному ему известного плана. И он уже несколько не сомневался в себе. Точно знал, как действовать дальше.

Сергея же заботило совсем иное:

— Пусть скорее подойдет колонна, а то надоело торчать здесь на ветру как бородавка на носу. И надоела, да что поделаешь, приходится терпеть.

Разве что удивляло:

— Как в этой безбрежной глади каменистой пустыни ориентируются караванщики?

Где всех и примет вокруг — лишь щедрые россыпи щебня.

...Но водители не ошиблись — колонна безукоризненно следовала намеченным маршрутом и благополучно дошла именно в условленный час и как раз туда, где ее ждали. И лишь когда машины совсем приблизились, стало заметно расхождение пути грузовиков с местопребыванием Вагиза и его людей.

К тому же и ночь скрадывала расстояние, на котором мимо шел караван. Потому пришлось даже бежать, когда приказал Вагиз. Он опять первым понял, что иначе они могут отстать от каравана. Просто не успеют забраться в последний фургон. В нужную им грузовую машину с высоким дощатым сооружением позади кабины водителя.

Это творение плотников и кузнецов, оборудованное в кузове, лязгало всем своим существом на особо крупных камнях, перед которыми притормаживала, словно приглашая бойцов Вагиза воспользоваться такой неторопливостью.

Они не упустили этот свой единственный шанс на долгожданную удачу. Потому, что самая последняя в колонне, машина, как раз и оказалась той самой, которую они так ждали.

Во всяком случае, когда, вскарабкавшись на щелястые борта, и забравшись по ним на крышу, все пятеро оказались наверху, там обнаружилось небольшое, укрытое куском брезента, отверстие.

Забравшись через него внутрь фуры, бойцы оказались в тесноватой, но вполне пригодной для обитания щели, устроенной неведомыми грузчиками.

— Все устроились? — негромко спросил Вагиз.

Услышав утвердительные ответы, велел:

— Теперь сидим как мыши, чтобы вокруг машины не происходило.

Другие меры предосторожности были приняты еще при подготовке к заданию.

Все пятеро обладали отменным здоровьем и вполне могли отсидеться, сколько нужно не только в пыльном кузове, среди прессованных тюков овечьей шерсти, но и в болоте, а, то и в снегу. И никто не сетовал на свою участь.

Пока невозмутимо ехали, несколько раз ночь сменялась — днем и обратно. Об этом можно было судить то по светлеющим, то по темнеющим щелям в бортах фургона, сбитых из узких и длинных реек.

Правда, однажды они получили и послание. Передал его Вагизу какой-то парень, видимо, водитель. Потому что именно он на стоянках придирчиво осматривал ходовую часть. И когда было нужно — подтягивал, ослабевшие веревки на фуре.

На этот же раз, отогнув край брезента, он и засунул руку туда, где таились его секретные

пассажиры. Вагиз поднялся, пожал, появившийся кулак, а когда пальцы разогнулись, забрал с ладони клочок бумаги. Не забыв еще и поблагодарить курьера на, довольно сносно, фарси.

Рука исчезла.

После чего, посветив себе фонарем, командир группы прочел таинственную депешу.

Содержимое, видимо, удовлетворило бородача. Он улыбнулся и, подняв глаза на, сгрудившихся рядом, подчиненных тихо заявил:

— Все нормально! Операция не засвечена. Действуем по прежнему плану.

После чего мелко изорвал послание и проглотил, запив не самую аппетитную пищу глотком воды из своей фляги.

Уже следующей ночью, во время продолжения, кажущегося бесконечным от тряски, пути, командир поведал подчиненным о том, что удалось узнать из записки:

— Там, где мы слышали звуки моторов, действительно, была засада, — сказал командир своим подчиненным. — Но не наша.

Пришлось пояснить:

— Другой караван брали афганские товарищи из ХАД. Но повезло, что шеф успел их убрать с пути, идущих в нашу сторону, машин.

— И хорошо, — стало понятно даже новичку Калуге из сказанного. — А то бы пошла вся затея

насмарку из-за такой ерунды.

Но, все равно, теперь нужно быть особо настороже.

Со слов Вагиза следовало, что Спинджирай — хозяин каравана, может что-то заподозрить. Ведь просто так засады на пути не появляются и не исчезают!

После чего, однако, сам их всех успокоил:

— Ничего, завтра нас в этом клоповнике уже не будет.

Его намек на грязь, духоту и ползающих в темноте, полчища, никому не известных насекомых, вызвали несерьезные смешки из темноты.

Все же, несмотря на требования соблюдать дисциплину, оказалось, что нет ничего более разлагающего ее, чем подобная бытовая неустроенность.

Так же ночью, как и забирались когда-то внутрь, этого их некомфортного средства преодоления времени и пространства — через лаз наверху фургона, они его и покинули.

Чтобы очутиться уже не в пустыне, а на окраине какого-то небольшого кишлака.

Высадили их на узенькой улочке в окружении нескольких мазаных глинобитных домов, окруженных высокими глинобитными стенами — дувалами. Ограждением, совершенно исключавшим

появление в ту минуту лишних глаз, как метко отметили вновь прибывшие в посёлок пассажиры автокаравана.

Других людей, кроме группы Вагиза здесь и не ждали.

Едва с, медленно едущего, грузовика спрыгнул на землю последний пассажир, как машина, рыкнув мотором, рванула вперед, стремясь догнать, идущие впереди, другие транспортные средства их каравана.

Немного позднее прояснилась обстановка для военных разведчиков. Когда уже совсем спала густая пыль, взвешенная в воздухе из-под колёс фургонов. А вместе с этим разошлось и облако едкого дыма от солярки, не сгоревшей до конца в моторах автомобилей.

В том числе, уже не казалось им бывшее убежище «на колёсах» — таким опостылевшим, грязным и душным, как прежде.

Теперь, судя по всему, они все вместе попали в гораздо худшее положение. Так как остались в совершенно незнакомом месте безо всякого укрытия и поддержки. Тем более, в довершении ко всему, сплошная, какая-то могильная тишина обволакивала все вокруг.

— Что, тут даже и собак нет? — вслух удивился Сергей. — А может здесь вообще никто и не живет совсем.

— Безо всякого «может»! — категорично ответил на его вопрос Вагиз. — Это не селение с постоянными жителями, а лишь место, где временно останавливаются в своём движении по стране караваны и неумные пилигримы с тягой к перемене мест.

Какие именно еще путешественники пользовались услугами окружающих строений, он тоже поведал обстоятельно, пользуясь появившейся свободой и полным отсутствием чужих ушей:

— Бывают здесь или такие контрабандисты, что нас подвезли, или кочевники, перегоняющих скот на новые пастбища.

Вагиз поднял с дороги свой вещевой мешок, давая понять, что разговор окончен, и пора десантникам браться за приготовление стоянки:

— Вот их теперь и подождем.

Организатор вояжа, как видно, «наш человек» — из системы разведки, оставил им в одном из пустых домов в качестве гостинца несколько картонных коробок.

Были они плотно набиты копчёным мясом, хлебом, урюком. Ну, а вода, чтобы запить всю эту благодатную снедь, журчала неподалеку — в звонком горном ручье.

Вагиз на всякий случай отыскал на одной из упаковок условный знак, гарантировавший пригодность содержимого в пищу.

— Налетай, братва, не отравлено, — дружелюбно скомандовал он. — К тому же настало время ужина.

Впрочем, не обошлось для его команды без очередного вживания в роль правоверных мусульман:

— Солнце — зашло за горизонт и сам Всемилоостивейший Аллах не увидит нашу с вами скудную трапезу.

Дважды повторять ему не пришлось.

— Живем, ребята! — с набитым ртом весело сказал Калуга. — Пора отквитаться с судьбой за все дневные передряги!

Как оказалось, после сытного существования на тренировочной базе Айболита, он здорово оголодал за дни дорожных испытаний.

Ему никто не ответил. Так как рты были забиты едой, да и обсуждать приказы командира не полагалось. Коли велено есть, значит не стоит отвлекаться.

Даже, рыжебородый, обычно болтливый и не сдержанный на острое словцо, Борис-Бабрак и тот промолчал за пиршеством.

Только Вагиз прорычал:

— Слушай, Салем, это будет твой первый и последний вопрос, заданный по-русски.

До рукоприкладства, впрочем, дело не дошло, но лучше бы Калугу побили, чем отчитали как

щенка, у которого молоко на губах не обсохло.

— Мы уже в Пакистане, — снизив тон, сквозь зубы протянул командир. — И, если не знаешь фарси, то лучше молчи в тряпочку!

Калуга и замолчал.

Но не от того, что мог обидеться на прозвучавший в его адрес упрек. Просто Сергея поразила сама мысль о том, что вокруг — уже не ставший привычным, пусть и дышащий опасностью на каждом шагу Афганистан, а еще, более чужая ему, страна.

И он здесь: — Неизвестно зачем и почему?

Глава четвёртая

Автокараван контрабандистов, с которым группа Вагиза пересекла границу, двигался, преимущественно, по ночам.

— И не случайно! — понимали разведчики.

Опасаться Спиджираю и его людям приходилось самых разных бед. А то и спастись от множества опасностей. Например, от стопроцентно вероятных воздушных налетов, до случайных непосредственных вооруженных нападений. Как со стороны как шурави, так и своих же собратьев-афганцев, защищавших интересы правительства.

Или вообще — лихих племен с сопредельной,

что называется, территории. За всю историю этих государств, не знавшей разделительной пограничной черты.

Потому те несколько дней, что провели в фуре с тюками шерсти Вагиз и его товарищи, приучили их: днем спать, а бодрствовать по ходу движения колонны. Когда, в особо безлунные часы можно было, сохраняя все меры предосторожности, даже выбираться, через брезентовый выход на крышу, чтобы подышать свежим воздухом.

Закрывающееся особой — стальной заслонкой отверстие в полу кузова, предназначенное для удовлетворения естественных надобностей, подсказало Калуге разумную мысль.

— Подобным путем проехало немало людей, посланным «Айболитом», — как про себя он продолжал называть Петра Ивановича — бесфамильного для него полковника из военной разведки.

И вот дневные страдания с ночным отдыхом остались позади. Теперь же, оказавшись вдали от ненужных свидетелей, можно было передохнуть от трудных дорожных испытаний.

Что они и сделали.

Несколько дней провели, уже не скрывая ни от кого своего присутствия, в бесхозном придорожном селении кочевников. И, как оказалось, по «раскладу» Калуги:

— Самых настоящих контрабандистов.

Продукты, оставленные таинственным другом, позволили не только утолить зверский аппетит, нажитый во время фургонного существования в передвижном тайнике, но и основательно позабыть о прежних голодных спазмах. Все остальное компенсировала природа.

Вид на живописные окрестности побуждал к высоким мыслям. Ну, а память о мерзких тварях, выползавших из тюков с товаром прямо под одежду, сделала очень популярным, на радость всем — купание в ледяных струях, небольшой, но бурной, текущей неподалеку, горной речушки.

— Так что теперешнюю жизнь, — по большому счету самого Вагиза, обнародованному им самим для подчинённых. — Можно было считать вполне комфортной.

Но длилось это не так долго, как бы им хотелось.

К одному из вечеров все в корне изменилось. Долина, вдруг, наполнилось звуками. Сначала отдаленным бляением, а потом, буквально, утонула в мерной поступи тысяч копытцев, спускавшейся с гор, большой отары курдючных овец.

За ними шли кочевники, перегонявшие свои стада с высокогорных пастбищ на зимние стоянки. Те самые, — о которых заранее счел возможным предупредить своих подчиненных Вагиз.

Он же и определил новую цель:

— Первый этап проникновения к месту будущей операции закончен.

Очередной приказ последовал незамедлительно:

— Дальше пойдём под видом мусульман-суннитов.

— А как они нас возьмут с собой? Или все слепые и глухие!

Наивный вопрос, заданный, новичком в подобных делах, Сергеем Калугой, вызвал дружное ржание диверсантов.

Один рыжий Бабрак-Борис, скромно скрыл чувства, слегка растянув в ухмылке, губы. Видно стало, что и он, как и Сергей впервые попал в такую передрагу.

Зато остальным, с их многоопытностью, море было по колено.

— Отставить веселье! — тоже, впрочем, отсмеявшись, велел Вагиз. — Вполне законное любопытство.

Он обратился лично к Калуге:

— Так вот, эти самые сунниты за нас получают кучи полезных вещей, особо ценимых на здешнем рынке. В том числе и оружие. Вот и посчитай, как бережно они должны довести нас до места. Туда, куда нужно было команде Вагиза. О чем серьёзно обговорили с ними, те, кому следует во всех

«дотошных» деталях.

Все пока шло как по нотам в, удуманной Петром Ивановичем, акции.

При этом Сергей, хотя и понимал свою полную неосведомленность в разведке, не мог не задуматься о собственной роли во всем происходящем:

— Во-первых, как любил наглядно считать на пальцах его новый командир, он один из всех, надо полагать, не знает ни цели их пути, ни предстоящего задания.

Выполнение, которого было связано, как показывает ход дела, со смертельным риском.

Калуга продолжил подсчитывать всё новые доводы насчет личной перспективы уцелеть в грядущей заварушке:

— Во-вторых, мое личное участие, судя по подготовке в подземном учебном центре, будет весьма ограничено по времени.

Его научили, правда, весьма отменно, только одному — умению быстро и наверняка уложить ножом человека. А то и не одного в довольно замкнутом пространстве.

Только вот неизвестно:

— Где и когда может понадобится такое специфическое мастерство мокрушника?

На оба эти вопроса у него появилось одно объяснение:

— Пока не доверяют. Не знают, наверное, как поведет себя, если запахнет жареным. Потому и не открывают всех секретов.

Хотя Сергей вскоре если не сам кое-что стал понимать, то уж точно — о многом догадываться. Тем более что времени на подобные размышления в дальнейшем у него оказалось более чем достаточно.

В среде кочевников лишь в первый день — во время встречи в придорожном заброшенном кишлаке, на счет их появления царило некоторое беспокойство.

Зато потом, после встречи с традиционным обменом любезностями старшего среди суннитов — седобородого Спинджирая с Вагизом, любопытство вольных скотоводов как рукой сняло.

— Значит так, ребята, — вернувшись до своих подчинённых, поведал горбоносый бородач. — От каждого из нас, как и было сказано, никто не должен слышать ни слова. Все что нам нужно, доставит сын вождя — Тарик. Главное наше прикрытие — мы наемные погонщики скота. Вот этим — то и будем заниматься.

Будущая зима, о приближении которой напоминали морозные ночи и холодные утренние рассветы, тем временем сгоняло из дальних мест в родные селения все больше вольных скотоводов.

Теперь уже дорогу заполонило такое количество разного кочевого люда с их скотом, что

отара, которую сопровождало племя, взявшее на себя риск провести вглубь страны чужаков, оказалось:

— Вроде мелкой песчинки в безбрежном пустынном бархане.

Так что уже вскоре Сергей смог оценить по достоинству:

— Качество такой их маскировки.

Здесьним властям, даже если бы и очень захотелось, вовек было не отыскать пятерых агентов среди тысяч и тысяч разномастных бродяг, идущих на зимовку со всех концов горной страны в её центральную, более теплую равнинную часть.

О том, что путь закончен, Калуга узнал, когда им навстречу вышли местные соплеменники пастухов с приветствием от главного вождя племени — малика.

...Их родовое объединение размещался на окраине большого кишлака. Где, сразу за приземистыми стенами, глинобитных дувалов дворов оседлых жителей, начиналась территория стоянки этих самых диких кочевников.

Тянущиеся на ней довольно далеко два ряда разборных шатров окружали главный — самый большой шатер, в котором и обитал владыка племени.

Сразу по приходу на место, группу Вагиза оставили их прежние проводники.

В кишлаке их ждало, уже знакомое на этом задании, средство передвижения — почти в точности похожий на прежнее убежище грузовик с высокими дощатыми бортами.

Похожим образом, умелой рукой хозяина транспортного средства он был обит по верху брезентовой палаткой. На нём они отправились, как оказалось, теперь уже до конечной точки своего пути.

Когда грузовик въехал во двор дома, укрытого от посторонних глаз традиционным ограждением из глины — дувалом и там остановился, снаружи по борту машины требовательно постучали.

— Выходи! — раздался гортанный возглас на фарси.

Когда откинулся задний борт, Сергей, как и другие, увидели перед собой около десятка, совершенно свирепых на вид разбойников, бородатых душманов, весьма живописно обвешанных различным оружием.

В том числе несколько автоматных стволов угрожающе были направлены в сторону вновь прибывших.

Ни сказав друг другу, ни слова, остальные четверо спрыгнули вниз с машины следом за Вагизом. Тот оказался на земле еще раньше. Сделав это с невероятной проворностью, какую можно только было проявить при его плотной комплекции.

Испугаться Сергей не успел.

Разве что пожалел об оставленном ещё в бригаде спецназа, верном автомате «Калашникова». Или (на худой конец) — желал иметь под рукой тот острый кинжал, которым учили его орудовать на тренировках.

Оставалось действовать голыми руками, что называется, по обстановке. Ничего. Просто так не дамся, в отчаянии подумал парень, наполняясь решимостью постоять за себя.

Ничего этого не понадобилось.

Радостно раскинув для объятия руки, к Вагизу шагнул тот из душманов, что выглядел среди местных жителей за старшего:

— Здравствуй, дост! Добро пожаловать!

Встречавшие и оказались тем отрядом, которому было немало обещано за содействие в осуществлении акции.

Судя по всему, подобные «услуги» у них были поставлены «на широкую ногу». И самые воинственные только и ждали, когда же появятся выгодные покупатели их услуг и умения воевать.

Потому стала понятна искренняя радость пуштунов, едва перед ними появилось реальное подтверждение обещанному оружию — пятеро шурави, знающих, чем нужно платить за будущий арсенал для исполнителей, способных стрелять, взрывать или отрубать головы.

Убедившись, после разговора со старшим из афганцев, что «все на мази», Вагиз согласился пройти в палатку, где их ожидал праздничный ужин.

И уже там, когда вся пятерка осталась без свидетелей, обрисовал обстановку:

— Эти парни в селении — чужаки, да и хозяину дома терять нечего. Вместо этой халупы, ему уже куплен особняк в одной из европейских столиц. Потому они пойдут на все, лишь бы вместе с нами добиться успеха.

— В чем? — так и тянуло за язык Калугу.

Но он благоразумно промолчал, вовремя вспомнив, о том, как не раз уже попадал впросак со своим нетерпением.

И все же и блеск глаз, взволнованных увиденным, выдал его желание на конец, узнать, что ему лично предстоит?

Вагиз повернулся в его сторону и долго, явно изучающе, смотрел в лицо Сергея:

— Теперь давай все начистоту. Ты у нас в группе новичок и потому прежде тебе просто не могли доверять с бухты-барухты. А теперь, хочешь или не хочешь, но и ты должен узнать правду о том, зачем мы здесь и что должны все вместе совершить.

Глава пятая

Сама первоначальная история того, о чем вкратце рассказал Вагиз, началась довольно давно.

Где-то на пятом году после начала необъявленной войны, в Афганистане внезапно на территории этой страны объявился сущий мор. Сначала он прокатился среди местных жителей, а потом и у советских солдат, стоявших гарнизонами в отдельных населенных пунктах, в подразделениях появились случаи заболевания вирусным гепатитом.

Объективных причин появления опасной болезни, в просторечии — названной по одному из ее симптомов — желтухой, нашлось немало. Все же, как-никак — в стране идет необъявленная война.

Из-за боевых действий обезлюднили не только отдельные кишлаки, но и целые провинции страны. Сократились посевы. Голод и постоянная угроза смерти сдвинули с насиженных мест сотни тысяч людей. Многие из них нашли пристанище в окрестностях крупных населенных пунктов, что еще более усугубило и без того довольно непростую санитарную обстановку.

Грязь и нищета оказались весьма притягательными для вируса — возбудителя гепатита, передающегося множеством путей. В том

числе через, кое-как сваренную пищу, не мытые руки, распродаваемые на базарах вещи с покойников. И просто заразу переносили обычные насекомые.

Так что болезнь со страшной неумолимостью принялась повсеместно косить свою страшную жатву.

С той же долей опасности, но по другим причинам, в том числе и через кровь зараженных, покати́лась эпидемия и гепатита «В». Правда, здесь, чаще всего, в числе пораженных болезнью оказывались раненые, которых прибывало в госпитали и больницы тем больше, чем чаще возникали вооруженные столкновения.

Словом, симптомы гепатита — рвота, боли в животе и мышцах рук и ног, кашель, насморк, высокая температура — уже отлично распознавали не только врачи, но и сами больные.

— Совсем простое объяснение, ну точно, как в учебнике по эпидемиологии! — просветил своих бойцов Вагиз.

Затем, продолжил рассказ.

При этом не изменил тона повествования. Лишь обвел своих спутников тяжелым взглядом, когда перешёл к самому главному для их разведгруппы, касающемуся их задания в тылу врага...

Из дальнейшего рассказа командира

выяснилось, что уже первые опыты и анализы, проведенные, прилетевшими в Афганистан бригадами московских ученых-эпидемиологов, дали совершенно противоречивые результаты:

— У этой эпидемии были, вдобавок, иные корни. Из-за них болезнь имела не только естественное происхождение, но и...

Особенно много сомнений породило выявление еще одного вида вируса, совмещавшего в себе свойства двух первых.

Вот тогда, как раз, и возникло подозрение о самом худшем: о рукотворной природе эпидемии.

Высказавший это предположение, профессор Сергеев, со своей бригадой ученых немедленно выехал в один из очагов вирусного гепатита, чтобы в условиях, существующего там, карантина выявить все разновидности болезнетворных вирусов и причины их появления.

Только бактериологи, самым таинственным образом, исчезли в пути.

— По дороге к месту назначения на автокараван с медиками было совершено вооруженное нападение, — факт, не требующий уже особых доказательств по причине своей очевидности, привёл командир. — Неизвестные злоумышленники всю вооружённую охрану перебили. Самого профессора, как и всех оставшихся в живых, людей из его окружения

захватили в плен.

Вагиз подошел уже ближе к событиям, повлиявшим на то, чтобы они впятером оказались на территории сопредельного Пакистана:

— Наше руководство приняло к рассмотрению несколько версий...

Согласно предположению аналитиков, бактериологическую войну в любое время могли начать и за «бугром» кто угодно. В том числе и моджахеды, снабженные всем необходимым своими заокеанскими покровителями.

Не исключался и тот факт, что к начинавшейся эпидемии могла приложить руку и служба безопасности здешнего правительства — ХАД. Добиваясь двух целей — как сокращения численности населения в местностях, поддерживающих оппозицию, среди самих оппозиционеров, так и желая отбить у своих, пока что друзей, «шурави» всякое желание сделать Афганистан шестнадцатой республикой Советского Союза.

— Потому, такой важной была миссия профессора Сергеева и его людей в установлении истины, — под общее, почти, что могильное молчание, разъяснил Вагиз. — Впрочем, и наши потенциальные соперники, наверняка, думали так же.

Для них из двух зол одним было —

правительство Наджибуллы, другим — Советский Союз. И «обоих зайцев» стало возможным «убить» единственным выстрелом. С помощью все тех же ученых микробиологов и эпидемиологов профессора Сергеева.

И они, как оказалось, не упустили такой возможности.

О том, кто захватил членов экспедиции Сергеева, советскому руководству стало доподлинно известно из сообщений разведки.

Ею же были получены данные о том, что в одной из Пакистанских провинций, на северо-западе граничившей с Афганистаном в отрогах хребта Хайбер, в старинной крепости, так называемом, зиндане под мощной охраной и в обстановке полной секретности содержатся какие-то пленные русские.

Недалекое расположение от центра афганской оппозиции — Пешавара, находящегося всего в сорока километрах пути по хорошей грунтовой дороге, делало эту тайную тюрьму идеальным местом для секретного медицинского центра.

В нем-то и могли быть среди научного персонала пленные ученые из Советского Союза, от которых требовалось одно:

— Заявить, будто бы на основе собственных исследований, кто конкретно ведет бактериологическую войну — Советский Союз или

его ставленник Наджибулла?

Полностью исключив третью сторону.

— По нашим данным, ученые пока еще держатся, не принимают богатых посулов от здешних хозяев положения. Но тюрьма есть тюрьма. А настойчивости властей остается только позавидовать! — подвел уже к главному Вагиз.

Действительно, удалось выяснить, что по несколько раз в неделю Сергеева или кого-нибудь из его помощников возили в Пешавар. В так называемую штаб-квартиру местной резидентуры ЦРУ.

То ли для отчета о проделанной работе, а может и для бесед на все ту же тему:

— Мы дадим вам всем убежище на Западе, хорошие деньги, в обмен на публичное заявление о том, что вирус гепатита в Афганистан завозят именно из Союза!

Вот и понадобилось срочно ликвидировать этот гнойник, назревавший долгое время после похищения микробиологов.

— Одного только профессора освободить из машины во время следования из зиндана в город Пешавар или обратно — в крепость Хайбер, не большая проблема, — все говорил Вагиз и говорил. — Но при этом в руках врага останутся остальные учёные, у которых может появиться особенно веский толчок к возможному малодушию

— мол, нас бросило родное государство на произвол судьбы.

Командир остановился на сказанном. И далее выдал Калуге все, чего тот не знал и так хотел услышать:

— Перед нашей группой стоит задача — выволить из неволи всех до одного. И заодно, при возможности уничтожить сам секретный медицинский центр в Хайбере.

Далее, подводя итог своим откровениям, Вагиз добавил, что конкретно приходилось опасаться следовало при выполнении задания. В том числе не только пуль и гранат охраны застенка.

О том, что в крепости не все чисто, говорило нежелание здешних властей самим приезжать в Хайбер на встречу с учеными. Да и тех возили к ним с соблюдением строжайших правил дезинфекции.

Состоявшееся, после такой длинной речи бородача, детальное обсуждение плана захвата крепости, как раз и раскрыло Сергею Калуге глаза на его конкретную роль во всей этой операции.

Крепость Хайбер была идеальным местом для тех целей, что отвели ей местные правители.

Рядом — ни одного населенного пункта, не считая кишлака, что стоял в десятке километров на пути в центр провинции. Высокие стены, хотя и сложенные всего лишь из необожженного кирпича,

своей двухметровой толщиной могли поспорить с любым снарядом.

Поверху над ними щетинились пулеметными стволами огневые точки охраны. Тогда как двойные массивные ворота, выполненные чуть ли не из броневой стали, не оставляли нападавшим даже надежды протаранить их любым транспортным средством, вплоть до танка.

Космическое наблюдение со спутников-разведчиков показало, что внутри крепости, за массивными стенами расположены жилые дома охраны, вертолетная площадка. Сами лаборатории и тюремные камеры находятся в многоярусных подвалах, которыми как гумус дождевыми червями было изрыто все основание Хайбера.

Все это позволило командиру констатировать невозможность некоторых сценариев развития событий:

— Атака с воздуха исключена.

Кроме того, имелись и другие доводы против использования авиации.

— На подлетах к крепости, у пакистанцев и их хозяев — американцев, есть несколько радаров и наготове эскадрилья истребителей перехватчиков «Ф-16», — снял один из возможных вопросов Вагиз.

Затем пояснил на схеме, вычерченной острым

кинжалом на земляном полу жилища, где они проводили обсуждение будущей операции.

— Выбраться мы сможем на том многоместном «Чинуке», что стоит на вертолетной площадке, — заявил он своим подчиненным. — Но лишь в том случае, если захват пройдет быстро, и мы будем иметь достаточный запас времени для подлета к границе, где нас поддержат свои военные летчики-истребители.

Оставалось основное:

— Попасть внутрь, да еще ограниченным составом туда, где и от полка можно отбиться?

Вагиз немигающим взглядом уставился на Калугу:

— Тут все будет зависеть именно от тебя, Салем...

Тем временем события продолжали развиваться наподобие снежного кома, скатившегося с горы, чтобы по ходу движения обернуться сходом лавины. Уже на завтра наблюдатели, контролировавшие дорогу, сообщили, что полицейский микроавтобус из крепости вышел и, миновав кишлак, направился в Пешавар.

И еще они описали личность того, кто из других арестантов был рядом с Сергеевым в зарешеченном отделении транспортного средства, предназначенном для перевозки арестованных.

— Аспирант Кравченко, как мы и думали, — довольный первым добрым известием, сказал Вагиз — Вот он!

Командир протянул Калуге, упакованный в пластик кусочек картона, который достал из-за стальной рубашки гранаты.

Единственного оружия, что было у группы на всем их пути сюда, в отроги Хайбера. Только так, случись что, можно было надежно уничтожить единственную улику, указывавшую на цель их задания, как только теперь понял сержант, прикомандированный к офицерам разведки.

На поданной ему, фотографии Сергей узнал... самого себя.

Ну, почти точно такого, каким был на допризывном снимке в его военном билете.

И сразу стало ясно младшему сержанту, почему именно его выбрал «доктор Айболит» из всех, проходивших медкомиссию в их бригаде спецназа ВДВ.

— Действительно, ты очень похож на Кравченко, — подтвердил Вагиз. — А дополнительные детали на лице, на случай некоторого изменения внешности за время нахождения аспиранта в зиндане, оформит единственный в нашей группе гражданский человек.

Калуга невольно пошарил взглядом вокруг и

остановился на том, кто менее всего походил на тех головорезов, какими на самом деле, по сути своей военной специальности, были все остальные из их группы.

Он не ошибся.

— Бабрак — высококвалифицированный театральный гример! — уже приказом прозвучали слова Вагиза. — Его мы тащили сюда с одной целью, сделать так, чтобы вас с Кравченко не только начальник караула и охранники зиндана в упор не отличили, но и родная мама не узнала.

После этого почти целый день Борис, (вот почему и он был не «своим» среди сорвиголов Петра Ивановича из ГРУ) профессионально, используя грим, «оформлял» физиономию Калуги.

И когда прозвучала команда: — «На выход!» тот уже ничем не отличался от своего двойника — аспиранта.

Пуштуны, работавшие на людей Петра Ивановича — Айболита, отменно выполнили свое первое задание.

Перегородив единственную дорогу через кишлак большой отарой курдючных овец, они заставили полицейскую машину остановиться. После чего без особых проблем задержали охранников.

Их места, переодевшись в мундиры, заняла вся пятерка Вагиза. После чего, уже по пути в

крепость, Сергеев и Кравченко узнали от своих освободителей конкретно, что же им теперь следовало делать.

— Аспирант будет лежать на дне машины, чтобы пули не задели, — не терпящим возражений, тоном заявил Вагиз. — Вы, профессор, подойдете вот с этим парнем, который, переоденется в одежду аспиранта и будет изображать вашего ученика перед охраной ворот.

После этого чернобородый Вагиз продолжал инструктировать личный состав. Причем, делал это, весьма обстоятельно:

— Когда Салем крикнет — сразу падайте на землю.

Он взял в руки схему постов.

— Дальше уже только от него одного зависит — как справится с солдатами в тамбуре между двойными воротами, — услышали все присутствовавшие на этом их «летучем совещании». — Он же, в случае удачи и откроет ворота для нашей машины, чтобы могли ворваться в крепость.

Бородач снова медленно обвёл своим пронизательным взглядом всех участников начавшейся акции:

— Все! Что кому непонятно?

Никто не задал ни одного вопроса.

Сергеев промолчал потому, что у него просто

не было иного выбора. Кравченко же от большой радости, что сам остаётся в стороне от кровопролития. Тогда как Калуга просто ждал приказа сделать то, чему его целую неделю, учили люди «Айболита».

...По, петляющей между зарослями дикого винограда, грунтовой дороге полицейский микроавтобус ехал не торопясь. Стараясь сильно не отрываться от, идущего следом, большого фургона с простым дощатым кузовом.

Того самого, на котором накануне Сергей, как и вся их пятерка, под видом кочевников прибыли в селение.

Правда, теперь в кузове был совсем иной, чем прежде, груз — укрепленная на поворотной станине сдвоенная скорострельная зенитная пушка, больше известная Калуге как одна из «спарок» артиллерийской мобильной системы «Шилка» — их огневая поддержка во время боя.

Глава шестая

Когда со стороны города показался небольшой караван машин, а потом и заехал в сектор поражения огневых точек крепости, в ее гарнизоне отнеслись спокойно.

Никто не поднял тревогу с их появлением. Ведь впереди кавалькады ехал свой собственный

микроавтобус с, возвращавшимися в крепостной зиндан, пленниками.

И, вполне возможно, что, как и планировал Вагиз, посчитали часовые, мол, другая машина тоже имеет к ним отношение.

Тем более командир разведгруппы позаботился именно об этом. Фургон фактически принадлежал купцу из ближайшего кишлака.

Иногда тот подвозил на этой своей машине для гарнизонной кухни продовольствие, а также другие, необходимые солдатам и персоналу ученых, товары.

В свое время, конечно, личность того проверили досконально. Но никто из местных пакистанских контрразведчиков так и не догадался об истинной цели переезда коммерсанта.

Тому местные военные даже были рады.

Все же не многие торговцы со всей округи готовы были отважиться на реальный риск. Почти никому не хотелось заезжать в это, проклятое Аллахом место, как это сделал, совсем недавно появившись в здешнем кишлаке, пронырливый в купеческом ремесле духанщик.

Открыв лавку, новичок, как виделось служивым чинам из непреступной крепости, совершенно пренебрегал той дурной славой, что витала над зинданом Хайбер.

Надо ли было говорить тем, кто сейчас

действительно подъезжал к воротам марказа, что этот смельчак отважился на подобное общение с микробиологами и их тюремщиками не сам по себе?

Он, так же как и Сергей, как и Вагиз со своей командой выполняли волю «доктора Айболита» — Петра Ивановича из главного разведывательного управления Генерального штаба Советской Армии.

И вот теперь, по его приказу, настала пора:

— «Стричь купоны» с той предприимчивой коммерции.

Благо, что с самого начала операция проходила, что называется, без сучка и задоринки. Как и обычно, вышедший из ворот, часовой повелительным взмахом руки, остановил приблизившийся к нему микроавтобус.

Сопровождение пленных шурави часто менялось, поэтому у него не вызвали ни малейших сомнений, одетые в форму полицейских, Вагиз и его люди.

Не то, что постоянные клиенты — профессор Сергеев и аспирант Кравченко.

К ним постовой присматривался весьма долго и внимательно, пока что-то не буркнул на своем фарси.

— Пошли, парень, — толкнул плечом Калугу профессор Сергеев. — Нам велят проходить в ворота.

Руки, якобы, скованные за спинами пленников стальными наручниками, заставили обоих идти слегка согнувшись. И это было выгодно Салему-лже-Кравченко, опасавшемуся, что, не дай Бог, их уловка раскроется раньше времени.

Опустив лицо по примеру профессора, он надеялся уже и этим обмануть охрану крепостных ворот.

И такой трюк Калуге вполне удался.

Внешний осмотр удовлетворил бдительного караульного. И он тоже, что-то крикнув в узкое оконце, прорезанное в толстом железе мощных ворот, дал команду:

— Раскрыть створки!

Обе их половины, управляемые электромоторами, со скрипом разошлись в стороны, открывая пространство тамбура между ними и второй линией защиты — точно таким же железным барьером.

Между ними находились еще двое солдат.

Как и первый караул, увидели пленники, они все были вооружены американскими автоматическими винтовками «М-16».

— Как мы и предполагали, — машинально определил уровень предстоящей опасности Калуга.

В душе его словно наступила звенящая пустота. Она требовала только одного — в точности, до импульсивного уровня выполнить

приёмы, прекрасно усвоенные им в учебном центре Айболита.

Страх не чувствовалось. А вот уверенности в собственных силах и пренебрежения к противнику — хоть отбавляй!

А ещё Сергей непроизвольно испытал удовлетворение от того, что в тесноте, ограниченного воротами, пространства тамбура ему будет не так уж сложно справиться с троицей солдат, у которых в руках имелось только это, крайне неудобное в ближнем рукопашном бою, оружие. Каким являются, довольно, массивные американские штурмовые винтовки.

Первые ворота, как было известно от агента — купца, открывались простым нажатием на рубильник, укрепленный на стене прямо в тамбуре. Зато для срабатывания вторых ворот, понадобилась команда старшего в охране. Он и произнес ее, одновременно дав сигнал на то, чтобы закрылся первый «редут» обороны крепости.

К этому моменту Сергей уже разъединил за спиной, специально подпиленное звено на цепи наручников и решительно приступил к исполнению своей роли.

Выхватил ножи, до этого искусно упрятанные за пояс широких холщовых штанов. Там на нём прежде было достаточно сложно со стороны заметить холодное оружие. Ведь оно было

одновременно прикрыто подолом того же цвета белой широкой рубахи.

И вот теперь складные, остро отточенные штыки-кинжалы от автомата «Беретта» пошли в дело.

Возможно, доли секунды понадобилась, чтобы привести их в боевое положение. После чего, сигналом для профессора о том, что пора ничком падать на землю, стал тяжелый предсмертный хрип одного из охранников, в шею которого вонзился, брошенный Калугой, нож.

Другим штыком он поразил прямо в сердце еще одного. А пока третий пытался передернуть затвор автоматической винтовки, парень был уже рядом и прямо с размаху, безжалостно полоснул лезвием штыка по его шее.

Попал, как и целился.

Нож вонзился, во славу долгих уроков инструктора Вагиза, точно на пол-ладони ниже рта бородатого вояки, раскрытого, было, в так и не произнесенном им, предсмертном крике, сменившимся буйным клокотанием крови, брызнувшей горячим фонтаном из распластанной сталью гортани.

Внутренние ворота все еще раздвигались.

Только Сергей, успешно покончив с охранниками, уже нажимал на другой рубильник. Включив электромоторы других створок тамбура.

Настежь открывая и, только что соединившиеся перед этим, внешние створки.

Затем, чтобы не смогли отреагировать охранники с внутреннего поста, Калуга, снова вступил в бой.

Подхватив из-под ног, выпавшую из рук убитого и приготовленную тем к бою, автоматическую винтовку, он бросился в уже достаточно широкую щель, образовавшуюся между, раздвигавшимися в разные стороны, воротами.

И там, прямо с бедра длинной очередью — осыпал ближайших защитников марказа веером пуль.

Несколько позже, с еще одной «М-16» бил по врагу, тоже очередями, профессор Сергеев.

На деле, к удивлению Калуги, он оказался не только прекрасным учёным, но еще и вполне сносным стрелком. Во всяком случае, караульные, попавшие под двойной огонь, падали как подкошенные.

Тут снаружи крепостного вала подоспела и помощь, в лице, ворвавшихся на полной скорости в крепость, людей Вагиза.

Из открытых окон своего «полицейского» микроавтобуса, а также из кабины они добивали очередями из компактных автоматов «Узи» всех, кто попадался на мушку.

Среди тех, в основном, были солдаты и офицеры, пытавшиеся, услышав стрельбу, выскочить из строений, стоящих во внутреннем пространстве крепости.

Огневые пулемётные точки, устроенные на верхних бастionaх крепостных стен, нисколько не помогли отразить внезапную атаку. Их нападавшие сломили сразу же, едва те подали признаки жизни.

Град снарядов огненных струй автоматических пушек «Шилки» разрушил дзоты почти моментально, потому, что зенитка заработала сразу, едва у ворот прогремели первые выстрелы.

Для чего водителю понадобилось только откинуть крюки, стягивавшие легкие дощатые стенки фургона. Упав вниз, они открыли круговой обзор стрелкам, умело управлявшим этим чудом оружейной техники.

Тем временем в самой крепости все шло своим чередом.

Хотя и удалось некоторым охранникам скрыться в лабиринте бесчисленных подвалов, их никто там и не преследовал.

Каждый из группы диверсантов делал свое дело столь же ловко, как в свое время и Сергей со штыками-кинжалами чётко и профессионально орудовал в тамбуре ворот.

А ещё одни колдовали, готовя к взлету, тяжелый армейский вертолет «Чинук» знаменитой

американской фирмы, уже полвека специализирующейся на выпуске этих крайне вместительных транспортных винтокрылых машин.

Когда с защитниками крепости было покончено, настал черёд и на сбор трофейного оружия.

Зато Вагиз и Бабрак, ведомые профессором Сергеевым, пошли открывать камеры подземного застенка — зиндана, где томились другие советские пленные — ученые из разгромленной экспедиции эпидемиологов.

Охрану входов в подвалы, где исчезали недобитые солдаты здешнего гарнизона, несли, похожие друг на друга, как близнецы, Калуга с аспирантом Кравченко.

Никто не терял напрасно времени.

Уже звонким, радостным гомоном голосов освобожденных людей наполнился двор крепости. Но только Вагиза все еще не было среди тех, кто поднялся из недр подземелья тюрьмы наружу.

— Все в вертолет! — командовал Бабрак, перекивая веселый галдеж. — Дорога каждая минута.

— Давай и ты, вместе со всеми! — Сергей рукой хлопнул своего «близнеца» по плечу. — А я подожду Вагиза.

Правда, совершать дополнительный подвиг не потребовалось. Тот сам выскочил из дверей

довольно скоро, на ходу бросив Сергею связку новеньких кевларовых бронежилетов:

— Раздай всем, на случай обстрела с земли.

Сам же, еще раз юркнул в подземный крепостной арсенал. И уже вернувшись оттуда, подал окончательную команду:

— Улетаем!

Когда вертолёт поднялся над крепостью, Сергей, через остекление кабины салона, увидел как внизу, по дороге в кишлак возвращается, сделавший свое дело грузовик. Под фургоном, которого никто бы, как и прежде, не различил бы и теперь зенитную спаренную автоматическую пушку.

— Через час и этих наших ребят в кишлаке не будет и следа! — дав волю чувствам, расслабленно разоткровенничался Вагиз. — И нам бы тоже, дай Аллах еще немного удачи.

Уже на подлете к самой границе, они получили по радио предупреждение о том, что организовано преследование пакистанской авиацией.

Но погони у тех, как они, ни старались, не получилась. Пилотировавший вертолет, Керим сначала прижал винтокрылую машину к самой земле, а потом и вообще перестал опасаться кого-либо из преследователей. Потому что навстречу им, только гораздо выше, вдоль границы

шло несколько звеньев остроклювых истребителей «МИГ 29».

— Вот мы и дома! — невольно улыбнулся товарищам по отряду Сергей, искренне довольный, хорошо выполненным заданием.

— Ну не совсем ещё дома, — раздалось со стороны ученых, бывших пленников, все еще не привыкших к своему полному освобождению.

И лишь соратники все поняли так, как того хотел Калуга.

— Однако, в основном и целом, ты, разумеется, прав! — крепким рукопожатием ответил ему Вагиз.

...Прощание бывших соратников после приземления оказалось совсем недолгим.

Сначала их группу покинули ученые.

Их на приграничном аэродроме срочно забрал, посланный командованием вертолет.

Потом в свою часть улетал Калуга.

И, оставшись на базе для своих, только им известных дел, Вагиз с друзьями-подчиненными, постарались одарить парня сувенирами на память.

Вагиз протянул ему американский трофейный автомат, Керим — складной штык-нож и бронежилет из кевлара.

Даже рыжий театральный деятель Бабрак, смущенно улыбаясь, прямо-таки навязал солдату свою фирменную зажигалку «Ронсон».

И этот мирный презент от мирного парня был невероятно дорог Сергею. Особенно после того, как, напоследок после своего визита в зиндан, парень испытал, чуть ли ни шок от увиденного с борта вертолета.

Сначала столб огня и дыма поднялся над старинной крепостью. Потом раздался грохот разрыва. И после всего, еще и ударной волной качнуло, улетавший прочь, вертолет.

То рвался арсенал, заминированный Вагизом. В результате чего перестало навеки существовать, прежнее осиное гнездо вероломных разработчиков бактериологического оружия.

И туда, судя по всему, еще долго нельзя будет появляться любому, без реального опасения подхватить там, на руинах зиндана, какую-нибудь заразу — наследство уничтоженной диверсантами группы Вагиза тайной вражеской лаборатории.

В родной воинской части у сержанта Калуги не стали забирать, привезенное им из командировки, иностранное оружие. Все же — многие спецназовцы в ту пору воевали с, удобными в бою, трофеями. Да и Айболит, судя по всему, замолвил теплое словечко за своего удачливого в бою «крестника».

А этого полковника ГРУ в сороковой «афганской» армии очень даже уважали. Несмотря на, всю его закрытость от тех, кому о его деяниях

знать было просто не положено.

Вот и теперь, ответ на вопрос — где это все добыл? — так и осталось для сослуживцев Калуги сплошной тайной.

Как, впрочем, и полагалось ему по действующему армейскому Уставу. А также в связи с подпиской «о неразглашении военных секретов». Её заполнил младший сержант на стандартном бланке еще перед операцией — в том же самом учебном центре доктора Айболита.

Правда, друзья и так прекрасно знали, что вовсе не на деревенских посиделках пробавлялся эти месяцы Калуга:

— Всё же, просто так не дают орденов Красной звезды, который украсил его парадную форму.

А там и Сергею стало не до воспоминаний. Шла война, и он был на ее острие до самого последнего, как оказалось, дня.

...И вот, хотя прошло столько времени с афганской войны, всё ещё дает о себе знать та операция.

Опять пролил кровь тот, кому в руки попал острейший, удобный, что называется и на войне и в мирной жизни, складной штык-нож к итальянскому автомату «Беретта».

Именной с теми самыми, лично выжженными на деревянной рукоятке, именем и фамилией

«Сергей Калуга», нож был похищен в дороге.

Так что с сегодняшнего дня, как выяснилось из показаний несостоявшихся палачей, изувеченных и оставленных Калугой у лесопарковой остановки пригородного электропоезда, этот самый штык-нож стал против него главной уликой в, якобы, совершенном им, преступлении.

Недвусмысленно указывало холодное оружие не только надписями на рукоятке, но и отпечатками пальцев еще «вагонной поры» именно на Сергея Калугу, как на потенциального убийцу милицейского полковника — мужа Светланы Крутилиной.

Эта мысль одолевала Сергея всю его дорогу до города от места его, так и не случившегося там его «самоубийства».

Как и острое желание:

— Поскорее встретиться с Валерием Дадюшиным, чтобы выяснить всё на чистоту.

Тут заодно вспомнилась Сергею встреча у вокзальных камер хранения с Валерием Ильичём:

— Может быть, не успел тот забрать свой «дипломат» с вещичками?

— А в нём, как раз, мог быть и намек на адрес, где следовало поискать хозяина? — полагал беглец, разыскиваемый сейчас, судя по всему, каждым сотрудником в милицейской форме.

Предположение было столь вероятным, что Сергей не раздумывал над ним больше ни минуты.

Резко свернул на главную дорогу, откуда, судя по знаку-указателю, можно было проехать к железнодорожному вокзалу.

Часть вторая. Поединок

Глава первая

Долгое пребывание в таежной глухомани, где вообще нет, не только автомобилей, но и самих дорог, кроме охотничьих троп, заставило Сергея Калугу быть предельно собранным и внимательным за рулем.

— Не хватало еще только встречи с гаишниками! — мрачно думал парень, вклиниваясь в густой поток машин, мчащий к центру города.

Все услышанное от похитителей, что валялись сейчас у лесопарковой остановки электропоездов, заставило Калугу самым тщательным образом проанализировать события последних дней. Особенно, начиная с того момента, когда в числе его знакомых оказались Крутилина и Дадюшин.

Ну, насчет погибшей от руки настоящего убийцы, женщины, Сергей нисколько не сомневался:

— Она и есть главный объект преступного посягательства.

Да и в покушении на неё, ему самому, организаторами нападения недаром отводилась неблагоприятная роль «подсадной утки».

Вернее — «селезня», на которого так элементарно «купился», достаточно опытный

милицейский полковник, ревнивый муж красавицы Светланы Моисеевны Крутилиной.

— А вот как быть ему с Дадюшиным? — Калуга пока ещё сам точно не знал.

И не потому, что просто он не хотел верить откровениям тех подлецов, которые чуть было не стали его палачами. Даже сам рассудок отказывался верить в возможность столь разительного перевоплощения — из влюбленного поклонника, героя курортного романа в — жестокого и циничного убийцу, хладнокровно рассчитавшего все детали нападения.

Лишь одна вещь могла теперь или окончательно снять все подозрения с Валерия Ильича Дадюшина, или наоборот — доказать наличие именно его зверского преступного замысла.

И этим доводом был тот самый нож, потерянный в вагоне.

Калуга точно помнил, что последний раз пользовался «сувениром из Пакистана», когда готовил ужин на троих. После — уже не видел удобного складного штыка от автомата «Беретта» со своим именем, помеченным тонким солнечным лучом от увеличительного стекла на деревянной накладной пластине рукоятки.

— Если кто и мог взять в купе нож, то только Дадюшин, и никто другой, — рассудил Сергей. —

Коли сделал это по ошибке, то штык и сейчас может спокойно лежать себе в чемоданчике, спрятанном Валерием в ячейке номер двадцать автоматической камеры хранения.

Иной вариант заставлял Калугу полностью разувериться в честности и добропорядочности людей. Потому он больше думал о вероятности своего первого предположения.

На автостоянке мест для парковки не было, и Сергей просто бросил свою серую иномарку прямо у выезда с площади, рядом с фирменным хлебным магазином.

Идти оттуда до камер хранения было не близко.

Зато и такая оттяжка времени шла во благо. Она позволила Сергею обдумать линию своего поведения при осуществлении плана изъятия Дадюшинского кейса.

Выручал паспорт, предусмотрительно оставленный похитителями в кармане куртки будущей жертвы. С тем расчетом, чтобы его владельца-самоубийцу милиционеры быстрее опознали.

Только верно говорят, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Бандиты, как оказалось, ему и удружили.

Теперь документ был Сергею весьма кстати.

Предъявив паспорт милиционеру, сержанту,

дежурившему при вокзальной камере хранения, Калуга не стал сочинять, Бог весть, какие небылицы.

Сыграл под заезжего в большой город лоха простачка:

— Слышишь, командир, выручай!

Он легко вошел в роль провинциала, потому что им на самом деле и являлся, как по жизненному укладу, так и по характеру.

— Вот ведь беда, какая, — жалостливо продолжил Калуга, обрабатывать в своем духе милиционера. — Засунул ненароком свой кейс в ячейку, а номер от нее, записанный на сигаретной пачке, выкурив сигареты, вместе с нею выбросил.

Сделал паузу, давая официальному лицу усвоить суть сказанного, потом поставил вопрос ребром:

— Как быть?

Тот, видимо, не один раз на дню выслушивал подобных просителей. Потому, что ответ оказался заготовленным заранее:

— Пишите заявление, рассмотрим.

Бдительный даже по своему внешнему виду служаки-педанта, сержант милиции провел просителя в служебное помещение.

Там достал из своего письменного стола листок бумаги и шариковую ручку:

— Все подробно укажите.

После чего последовало разъяснение того, что от него ждут:

— Главное, гражданин, следует отметить всё, что конкретно находится, как вы говорите, в вашем дипломате.

— Ну, это совсем просто, — обрадовался посетитель.

Он взял ручку и прежде чем склониться над листком бумаги, все пояснил милиционеру на словах:

— Только книги!

И для убедительности пустился на подробности, которых от него никто и не требовал.

— Достал, понимаешь, братишка, по случаю в городе Мариинске комплект восточных сказок «Тысяча и одной ночи», — убеждал Сергей. — Вез его в подарок лучшему другу по армейской службе, завязтому книгочею, а тут такой прокол.

Покаянная речь парня не вызвала особых подозрений у блюстителя порядка.

Но и не сделала его более доверчивым:

— Вот это мы сейчас и проверим.

Хозяин кабинета, получив заявление, спрятал его к себе в стол и, приглашая за порог, остался воплощением строгости:

— Какая, говоришь, ячейка?

Сергей назвал и пошел следом за сержантом и встреченной ими по пути дежурной по камере

хранения, приглашенной в качестве понятой при выемке ручной клади из спорной ячейки.

Пронзительная трель сигнального звонка оборвалась сразу же, едва милиционер отключил защитную систему своим ключом.

— Хоть бы чемоданчик был на месте, а то вдруг Дадюшин успел за ним вернуться, — молил про себя судьбу Калуга, все время, пока дежурный открывал ячейку.

Кейс был на месте. Там где его и оставил случайный попутчик Сергея, подозреваемый им сейчас в организации преступления.

— Пройдемте в дежурную часть, где и определим, что конкретно находится в чемоданчике.

— Я же говорю — книги!

— Это мы с Вами сейчас и посмотрим.

Сержант и далее не желал верить на слово.

— Кстати нужно назвать мне и шифр наборного замка, — по пути к себе в кабинет линейного отделения милиции на транспорте, проговорил он, словно гвоздики паники, вбивая каждое слово в душу спутника. — Его-то, наверное, не выбросили вместе с сигаретной пачкой?

Сержант, идущий до своего линейного отделения впереди Сергея, не заметил, как тот переменялся в лице.

— Вот, дьявол, о замке я и не подумал, —

лихорадочно соображал Калуга. — Что делать? Как выкрутиться?

И тут на помощь пришли и его наблюдательность, и хорошая память.

Парень вспомнил как, собирая свои вещи перед уходом из их купе в свое, Дадюшин долго балагурил на счёт, якобы, того, что это их расставание останется для него как горькая проза.

Так и заявил, что увековечит её в том, что под рукой. Сейчас, дескать, половина первого ночи. Вот, значит, так и запишем...

Тем временем, пока Калуга отчаянно вспоминал этот непростой момент из своего дорожного и мимолетного общения с настоящим владельцем чемоданчика, они с милиционером пришли до дежурной части линейного поста.

Оказавшись на месте в своем кабинете, сержант не стал тянуть время, сразу спросил о главном:

— Говорите, гражданин Калуга, номер шифра?

Сергей сказал:

— Ноль, ноль и тридцать.

А у самого на душе, буквально кошки скребли от дурного предчувствия.

Милиционер покрутил ребристые колесики кодового замка, набирая, названную ему, комбинацию цифр.

После чего нажал на кнопку, открывателя замка. Только мог бы с тем же успехом и не нажимать. Она всё равно не подалась.

— Значит и шифр, Вы, не знаете! — грозно глянул сержант на Калугу. Всё больше проникаясь к нему подозрением. — Или, действительно, и его записали на той же пачке сигарет, что и номер ячейки?

— Вот же голова садовая!

Сергей в этот момент уже вполне пришёл в себя, силой воли справившись с недавним волнением.

И с прежней убеждённостью в своей правоте, только что сослужившей ему добрую службу, принялся за прежнее занятие — «валить Ваньку». С тем, чтобы еще раз попытался исправить, допущенную им, серьёзную оплошность, способную навсегда перечеркнуть всё то, чего достиг ранее:

— Код, командир, набирал в поезде по московскому времени.

Убедить служаку ему удалось не сразу.

— Ну, и что из этого? — оставался непреклонным дотошный в своих требованиях милиционер.

Калуга облегченно рассмеялся:

— Значит, будет двадцать тридцать.

Милицейский сержант все еще держался

особняком, готовясь к задержанию подозрительного парня.

— А Вы что поставили? — переспросил его повеселевший Сергей. — Я же говорю, что половина первого.

Он указал на часы, стоявшие на столе, рядом с заветным чемоданчиком:

— Только — нужно цифра по ночи и «По-Москве».

Объяснение показалось слишком замысловатым, но хотя бы и такое, оно было лучшим выходом из положения, чем любое другое, менее вероятное.

— Значит, действительно двадцать тридцать.

Жарко доказывая свою правоту на словах, Калуга посчитал, что на пальцах будет даже понятнее:

— Вот так.

Калуга взял со стола дежурного и положил на собственные колени кейс и быстро крутанул два первых колесика.

Он добился своего.

Нажатая Сергеем податливая теперь кнопка цифрового замка на этот раз сработала как по заказу. Кейс послушно ответил на манипуляции Сергея легким щелчком раскрываемого замка.

— Вот и книги, — пробасил, будучи несказанно обрадованным своей удачей, Калуга. —

Полный комплект сказок «Тысяча и одна ночь».

Тут, когда все факты говорили в пользу простака из тайги, городской вышколенный милиционер подобрел и взглядом, и голосом:

— И хорошо, а то я, было, подумал...

Затем сержант сел за свой стол, на который уже не требовал поставить чемоданчик из автоматической камеры хранения. Подписал протокол.

Затем заполнил квитанцию на штраф:

— Теперь с, Вас, гражданин Калуга, три рубля в пользу государства, чтобы впредь не были столь забывчивыми.

На протянутую парнем смятую «пятерку» у дежурного не нашлось сдачи. Но Сергей махнул рукой.

— Потом, как — нибудь, зайду, — простодушно посулил он. — А то сейчас некогда, каждая минута мне дорога, потому что друг ждет с подарком.

Едва посетитель вышел из дежурки, как на столе сержанта зазвонил телефон.

— Слушаю! — поднял он трубку.

— Второй раз звоню, где ты бродишь? — недовольным тоном учинил ему разнос дежурный уже по Городскому отделу милиции. — Тут поступила срочная ориентировка, записывай.

— Едва услышав имя и фамилию

разыскиваемого, и не дожидаясь дальнейшего перечня его примет, сержант сорвался с места.

— Здесь он, этот Калуга, только что его видел на вокзале, — напоследок бросил он в трубку. — Сейчас догоню!

Спускаясь уже с крыльца вокзала, Сергей услышал за спиной запоздалый окрик сержанта милиции:

— Гражданин Калуга, немедленно вернитесь!

Обернувшись, он увидел выше на ступеньках знакомого сержанта, не нашедшего ему сдачи с пяти рублей:

— Гражданин, подождите, Вам говорю!

— Ну, уж нет, — Сергей сначала прибавил шаг, а потом, услышав еще и залиvistую трель свистка, побежал к своей машине.

В умении преодолевать полосу препятствий в Файзабадской бригаде спецназа ему недаром не было равных.

Запрыгнув в иномарку, Сергей запустил двигатель и уже тронулся с места, когда следом добежали и дежурный по камере хранения, и пришедшие ему на помощь, патрульные.

— Запоминайте номер! — крикнул один из них.

— Зачем записывать? И так легко найдем! Таких «Фордов» как этот у нас в городе один-два и обчелся.

Рассудительный служака достал из футлярчика на ремне головку портативной радиации и объявил приговор беглецу:

— Внимание всем постам!

Глава вторая

Суету милиционеров на том месте, где Сергей оставлял свою машину, он мог видеть в зеркало заднего вида недолго — лишь до первого поворота. Потому манипуляции незадачливых преследователей с радиотелефоном не попали в поле его зрения.

Однако, Калуга и без того сообразил, что, доставшийся ему от ночных бандитов, «Форд» теперь окончательно «засвечен» и его остановят на первом же посту Госавтоинспекции.

Миновав несколько улочек, на одной из них, выходящей к главному в городе Красному проспекту, он и бросил, ставшую больше ему совершенно не нужной, серую иномарку бандитов.

И не просто так бросил на первом попавшемся углу. Специально поставил её возле разбитной компании подростков, которые под завывания переносного магнитофона сидели тесно, как на насесте, на, выкрашенном в синий цвет, трубчатом ограждении витрины винного магазина.

Ключи в зажигании, небрежно захлопнутая

дверь, и вальяжная походка владельца, уходившего прочь от них, вдоль по тротуару не могли не привлечь к себе самого пристального внимания, готовых на любую пакость, «музыкальных» шалопаев.

Даже не оглядываясь за спину, Калуга почувствовал, что его хитрая наживка успешно заглочена мелкой рыбёшкой уличной шпаной.

Сначала загудел фордовский двигатель, а затем и сам лимузин проскочил мимо него, стремительно набирая скорость по пустынной в этот утренний час улочке.

— Жаль мне, вас, пацаны, — вслух, обращаясь к похитителям, усмехнулся Сергей. — Но зато урок получите неплохой. Узнаете, на собственном опыте, как опасно брать чужое.

Сам он, вскоре выйдя на проспект, легко заскочил в первый попавшийся автобус, чтобы выйти из него уже через несколько остановок, у небольшого, понравившегося ему, тенистого лиственного сквера.

День обещал быть жарким. Но, видно, не сразу, а чуть позже — к самому полудню.

Сейчас же косые солнечные лучи только начинали прогревать асфальт и бетон городских улиц. Потому в прохладе сквера, закрытого от проезжей части густыми шпалерами зарослей тонколистого вяза, пока никого еще не было, кроме

Сергея.

Присев на одну из садовых скамеек, он незамедлительно принялся за изучение, с таким трудом доставшего ему, трофея из автоматической багажной ячейки привокзальной камеры хранения.

Ребристые колесики цифрового замка, установленные в нужной комбинации, теперь, после милицейского осмотра не стали былым препятствием.

Набрав, как и в дежурке камеры хранения, половину первого «По Москве», новый владелец дипломата легким нажатием кнопки замка, распахнул кожаные створки.

Внутри было всё, то же самое, что Сергей успел заметить сначала в международном вагоне экспресса «Владивосток-Москва», а затем и в милицейском кабинете.

И о чем рассказывал сержанту — небольшой несессер с мельхиоровыми коньячными рюмками, четырехтомник арабских сказок.

И — больше ничего.

Даже обшарив подкладку и заглянув в два внутренних карманчика, парень так и не нашел своего ножа:

— Значит, правду мне сказал тот, подручный хрипатого — что именно моим ножом орудовали в гостинице.

За этим выводом последовал другой, не менее

ужасный.

— Теперь уже точно от участи убийцы мне никогда в жизни уже не отвертеться, как и от обвинений в кучи других преступлений! — с подступившей к горлу тоской, подумал Сергей.

С таким риском для себя, добытый из ячейки, Дадюшинский кейс был теперь ему и не просто не нужен, но и весьма для него опасен. Мог, например, как красная тряпка разъяренного быка, привлечь к своему владельцу внимание постовых:

— А уж в том, что вся милиция города Новосибирска ищет сейчас убийцу одного из своих начальников, можно было не сомневаться.

И все же, не без сожаления, расставался Сергей Калуга с книгами, столь понравившимися ему еще при встрече с Валерием и Светланой.

Правда, прежде чем захлопнуть чемоданчик, он задумчиво — на весу пролистал один том, потом — другой. Грустно рассматривая исключительно яркие, выполненные в сказочной, настоящей восточной манере, иллюстрации.

И вот тут чутким пальцам охотника показалась почти неуловимая несообразность изящества исполнения книг и грубоватого переплета одного из томов.

Сергей еще раз распахнул обложку и почувствовал, что, несмотря на полное соответствие книжного фолианта всем

существующим переплетным требованиям, что-то все же мешало ему пользоваться этой книгой, так же легко, как другими.

Кстати пришла на память картина скорого исчезновения Дадюшина из поезда. Его настороженность на вокзале. И, наконец — ложь о том, что он, мол, сошел раньше. Еще до прибытия экспресса «Владивосток-Москва» в Новосибирск.

— Если не нож, так что же, негодяй Валера, так тщательно спрятал в своем кейсе? — разговаривая сам с собой, законно предположил Сергей.

Тут насторожился он, пуще прежнего, ещё и от того, что ему показался, во всем этом, проблеск призрачной надежды:

— Всё-таки изобличить настоящего убийцу семьи Крутилиных.

Ещё один раз, но более внимательно, он осмотрел «Сказки тысяча и одной ночи». И не пожалел о затраченном на эту процедуру времени.

Тут Калуга окончательно убедился в том, что один из томов — третий по счету, чем-то неуловимо отличается от других.

И вскоре понял разницу между томами — у той книги, действительно, хуже, чем в прочих, был выполнен переплет.

Забыв о прежнем, трепетном отношении к книгам, Сергей безжалостно рванул за корку,

отделяя блестящий целюфанированный картон от книжного блока.

Тот секрет, что тщательно прятал в своей книге Валерий Дадюшин, он нашёл не без труда.

Всё было достаточно аккуратно вклеено кем-то в двойной слой самой обыкновенной полиграфической ткани — марлёвки.

Было, впрочем, и серьёзное отличие. Если в других изданиях дешёвый сетчатый материал скреплял, сшитые вместе, тетради страниц, то теперь же, здесь, под чуткими пальцами парня, словно рисовые зерна горбились под слоем клея, ровно пропитавшего полоску технической ткани.

Сергей самым безжалостным образом вырвал марлю из переплёта, сунул её в карман брюк, а все остальное, включая и разорванную книгу, сложил обратно в кейс.

Теперь, уже набрав произвольно шифр на цифровом замке, Калуга оставил свою, не нужную ему больше, опасную ношу прямо на скамейке.

После чего сам пошел прочь, в надежде найти то, что ему было сейчас нужно — немного вода и уединения.

...И то и другое оказалось совсем рядом.

Достаточным было Сергею пройти во двор ближайшего многоквартирного жилого дома и спуститься там по нескольким ступенькам в бойлерную подвала.

Там внизу, оказался, явно, недружелюбный к незнакомцам только один слесарь-оператор.

Он встретил визитера вопрошающим взглядом. При этом его глаза были под стать уголькам. Остаткам похмельного пожара, которые горели из-под, опухших от перепоя, век.

— Что нужно? — встретил он в своей подвальной вотчине незнакомца. — Кто таков?

Ответа, однако, не дождался.

Вместо этого получил, в виде встречного вопроса, очень заманчивое предложение, отказаться от которого не смог бы никогда в жизни.

— Слушай меня, отец, — не желая раздувать конфликт, протестки заявил Сергей. — Выпить очень хочется, просто спасу нет, а где взять «горючее» не знаю?

— А я чем тебе могу помочь? — удивился вначале такой наивности гостя слесарь — похмельная голова.

Тоном собственного мастера, любившего декламировать прописные истины, он дал исчерпывающий ответ на то, где в данный момент был источник спиртного:

— Во всех без исключения, ликёроводочных магазинах «казёнка» продаётся лишь с двух часов, да и то строго по талонам!

К самому концу монолога совсем поскущел слесарь, перед этим воспрянувший, было духом от

одного упоминания спиртного:

— А у нас с тобой, паря, такого важного документа в наличии не только нет, но и даже, как мне думается, скоро не предвидится!

Только гость и не думал верить хозяину каморки на слово:

— И взять бутылку, кроме этого негде?

Калуга понизил голос и тот стал как у заговорщика:

— Подумай, отец?

— Говорю тебе, что в магазин соваться незачем! — стал распляться выпивоха, и без того находившийся в состоянии, близком к истерике.

— Может, самогоном кто поблизости балуется? — не сдавался Калуга. — Выручай, не обижу.

Тут слесарь заметно переменялся в лице:

— Ты случайно, хлопец, не мент?

И еще раз хорошенько взгляделся в облик собеседника.

— Не наш ли новый участковый? — в голосе похмельного мужика снова появились злые нотки. — Тогда и вали отсюда, нечего вынюхивать.

Опять пришлось улаживать конфликт миром:

— Да нет, папаша, никакой я не мент.

И далее, еще более доверительно открылся гость, демонстративно не желающий, чтобы его причисляли к столь уважаемому сонму

государственных служащих.

— Скорее наоборот! — звонко рассмеялся посетитель. — Разве настоящие менты так поступают.

Он достал из кармана несколько мятых двадцатипятирублевых:

— Достань бутылку!

Остальные слова продолжали ещё щедрее лить бальзам на истерзанную похмельем душу коммунального работяги.

— Богом прошу, — донеслось до него. — Вместе и выпьем!

После этого взгляд слесаря прояснился окончательно. Во всяком случае, стал гораздо более осмысленным, чем прежде.

— Тогда в эту пору спиртное, паря, действительно, тебе в копеечку выйдет, — вполне миролюбиво отозвался потенциальный кандидат в гонцы за первачом. — Но здесь у тебя, мил человек, наверняка хватит.

Хрустящие купюры, вложенные в кулак пропойцы, окончательно вернули того к жизни:

— Я сейчас!

Загремев подошвами «в хлам» разбитых ботинок, он побежал вверх по железной лестнице и, как и обещал, мухой вылетел из подвала. Видимо, опасаясь того, как бы вдруг не передумал пьянствовать с ним за компанию, новоявленный и

столь щедрый благодетель.

Сергею же только того было и нужно.

Оставшись один, он закрыл входную дверь на крючок. Затем нацедил из-под крана горячей воды в мятую кастрюльку.

До этого она валялась под ногами у верстака. Но ему подходила по всем статьям. Потому что изнутри была до блеска вылизанная то ли местными собаками, то ли самим «хозяином» бойлерной и его приятелями по выпивкам.

В эту, наполовину наполненную горячей водой посудину, Сергей Калуга аккуратно положил отмокать свое единственное алиби, и заодно важное вещественное доказательство злого умысла Валерия Дадюшина.

Клей в горячей воде разошелся быстро. И когда марлевка обрела необходимую мягкость, парню оставалось лишь вынуть её наружу, да отжать остатки, все еще липкой, влаги, чтобы без помех, развернул все три нитяных слоя.

На его ладони, поверх просыхающей марли, блеснула, многоцветно отражая свет из оконца под потолком, целая россыпь стекловидных, прозрачных камушков.

Вроде бы — бросовая горсть, но их ювелирная огранка, красноречивее слов, говорила о ценности находки.

— Так вот чем так дорожил Валера в дороге?

Вот почему не понравилось ему мое любопытство книгой! — усмехнулся Сергей. — Что же, теперь поторгуемся.

Завернув бриллианты в кусок газеты, Калуга спрятал их надежнее. Не найдя для этого ничего лучше собственного нейлонового носка.

Затем уничтожил следы своего пребывания — клеевую воду вылил на пол, кастрюльку забросил под верстак, где она была прежде, а марлю — в гору ветоши.

Сделал все весьма вовремя. Так как, едва Калуга откинул с двери крючок, как сверху вниз загрохотали ботинки посыльного спиртоноса.

— Вот, продукт! Первачок лучше всякой водки! — ворвавшись обратно к себе в бойлерную, восторженно протянул гонец бутылку с мутным содержимым. — Ручаюсь как за себя, источник достоин доверия.

Слова были напыщенными, но сама покупка своим внешним видом и запахом опровергала похвальные отзывы постоянного пользователя услуг самогонщицы.

Была она закупорена для верности пробкой из, свернутого в трубку, полиэтиленового мешка, но и сквозь её пробивался кислый запах низкосортной сивухи.

Сергей, поддерживая правила, им же предложенной игры, ототкнул бутылку самогонку,

словно намереваясь тут же из горла ополовинить её содержимое.

В нос ещё сильнее ударил уже довольно резкий и противный до крайности запах сивухи.

— Что это? — брезгливо вырвалось у таёжника, ни разу ещё не пользовавшегося алкогольной продукцией такого исполнения.

Его рука с бутылкой непроизвольно опустилась вниз и вперёд, протягивая поллитровку для обозрения тому, кто её достал с таким трудом и вероятным риском для здоровья обоих.

— Ну, ты даешь, земля деревенская! — довольный произведённым эффектом, захохотал его новоприобретенный друг. — Не нужно сомневаться. Говорю же тебе русским языком — отличное питье.

О том, что дегустация первача уже состоялась, ясно доказывали, масляно блестящие, глаза посыльного.

— Нет, дядя, я такое пить не стану. Жить охота, — Сергей ещё настойчивее сунул, возвращая ему, бутылку. — Пей сам такую гадость.

Слесарь, словно и не было за плечами принято средство от похмелья, снова, как при первом знакомстве поскучнел.

Но и теперь по его виду можно было понять, что он не испытывает при этом ни робости перед клиентом, ни своей собственной вины за

некачественную покупку:

— Можешь, гражданин хороший, и не пить.

В лицо Калуги уставились глаза, снова загоревшиеся злым огнем. Теперь уже кровной обиды.

— Только вот деньги все уже истрачены, — гулом раздалось под сводами слесарной мастерской. — До копеечки!

Выкрикнув, сантехник, заметно пошатываясь с каждым шагом, отступил к спасительному для него слесарному верстаку.

С трудом поднял там и прижал к груди дрожащими, вялыми руками массивный кусок, лежавшей там, стальной арматуры.

— Нет, говорю, больше твоих денег, — попытался он с помощью оружия убедить незадачливого спонсора. — Не хочешь пить, самогон, какой есть, то и не пей!

И совсем перешел на визг, нетерпеливо выпроваживая за порог столь несговорчивого привереду:

— Проваливай, откуда пришел.

— Да не бойся! — последовало в ответ. — Брось, ты, свою железяку.

Но слова не подействовали, оставшись гласом вопиющего в пустыне. Что заставило Каклугу опять перейти к дипломатии.

— Я так, пошутил, не подумай плохого, —

Калуга с усмешкой глянул на воинственные приготовления выпивохи. — Бывай дядя, обнимайся со своей Белой Горячкой.

Еще не поднявшись и на пару ступенек за порогом, он услышал, как за спиной лязгнула, закрываясь на крючок, небрежно обитая листовой жестью, массивная дверь бойлерной.

Её постоянный обитатель, судя по всему, собирался там стоять горой за ставшее его собственностью бесценное сокровище в мутной бутылке.

— Этого ему сегодня до вечера хватит, а назавтра сам забудет с кем пил, и кого видел, — понял Калуга.

Ему же самому пора было идти туда, где хранилась разгадка еще одной тайны.

Самой главной, с которой, собственно говоря, все и началось.

Глава третья

Пропуск, подписанный следователем после встречи в служебном кабинете, словно прожигал карман пиджака, пока Валерий Дадюшин шёл с ним до самого последнего поста на выходе из здания областного Управления Внутренних Дел.

Только миновав этот пост на выходе, предприниматель почувствовал некоторое

облегчение. Хотя и знал прекрасно, что нет на него в милиции и малейших подозрений, всё же, как черт ладана, боялся он этого, — самого первого допроса.

По собственному опыту, теперь уже давнишней, самой первой своей отсидки в местах не столь отдалённых, назначенной ему судом за незаконные валютные операции, он помнил, как много зависит именно от первой встречи со следователем.

Ведь, на всем том, что будет занесено в первичный протокол, и отпирается, как на фундаменте хрупкое здание обвинительного заключения. И каждый последующий опрос неизменно сопоставят с предыдущим.

Правда, сейчас Дадюшин находился не в такой уж плохой роли — главного свидетеля. Но знает призрачность черты, отделяющей от другой участи, где на встречу к следователю доставляют не как сегодня, вежливо — повесткой из дома, а со строгим караулом из тюремной камеры.

Все это было учтено заранее, еще до того, как трое знакомых — Крутилина, Дадюшин и Калуга встретились, как бы случайно, за столиком ресторана «Интурист».

Потому свои будущие свидетельские показания Валерий Ильич расписал «от и до» лично.

— Верно, говорят — лучшая импровизация — хорошая домашняя заготовка! — буркнув себе под нос избитую истину, откровенно с облегчением усмехнулся он, легко сбегая по высоким ступенькам величественного здания Управления МВД.

Теперь, когда испытание первым допросом им успешно преодолено, можно было и тонко пошутить над самим собой — хитроумной бестией!

А тогда, ранним утром сегодняшнего дня, как на иголках сидел у себя в офисе фирмы «Секонд Кар» что по-русски в его личном понимании звучало вполне прозаично — «Подержанные автомобили».

И мысли его были очень далеки от проблем автомобилизации Сибири за счет не новых иномарок из-за рубежа.

Томился Валерий Дадюшин в ожидании вызова к следователю. И тот, к счастью, не замедлил поступить.

— Валерий Ильич, Вас к телефону, — в раскрытую дверь кабинета заглянула встревоженная, но от того не менее симпатичная мордашка секретарши. — Говорит, что следователь.

— Да, я! Вас, слушаю! — Дадюшин поднял трубку.

— Вы не могли бы сейчас подъехать ко мне, в Управление. Пропуск-повестка на Вас уже

заказан, — после представления предложил милицейский следователь.

— Обязательно приеду! — уважительно отозвался Валерий, как и подобает всякому, вызываемому в правоохранительные органы.

И все же хватило у него таланта, продолжить общение с пользой лично для себя.

— Но, что случилось, неужели какие-то недоразумения обнаружены в моей отчетности? — прикинулся наивным простачком, могущественный шеф «Секонд Кара».

— Вы, наверное, не так меня поняли, — донеслось из трубки. — Я сотрудник отдела уголовного розыска, а не из ОБХСС.

И далее, столь же терпеливо собеседник продолжил:

— Так что по возможности поторопитесь на приём.

На самом деле ожидал его по указанному адресу форменный допрос. На нем Валерий Ильич очень убедительно изобразил сначала горечь и печаль по поводу убийства четы Крутилиных, а затем и гнев к совершившему злодеяние, своему случайному знакомому Калуге.

Так что, знай, следователь, что было на самом деле в голове у свидетеля, то ему в пору было бы подумать о выдающемся артистическом таланте Валерия Ильича, бездарно им самим погубленном

на бытовом криминальном уровне.

Но на самом деле, по физиономии и словам посетителя, следователь не смог прочесть и малой доли настоящих замыслов Дадюшина. Потому за чистую монету принял всё то, что Валерий Ильич изложил в письменном объяснении по факту знакомства с подозреваемым Сергеем Калугой и его жертвой — Светланой Моисеевной Крутилиной, а затем и устно пояснил «под протокол».

— Как же мне было знать, что у этой парочки зайдет все так далеко! — сокрушенно повторял раз за разом Дадюшин, когда следователь поведал ему предлагаемую версию трагедии, разыгравшейся в гостиничном номере «Интуриста».

— Вы утверждаете, что не знаете, ничего о событиях, разыгравшихся сразу после того, как в гостиничный номер вошел полковник Крутилин и там начался скандал. Говорите, что ещё задолго до этого инцидента покинули помещение? — диктуя самому себе, заполнял протокол следователь.

Дадюшин горячо подтвердил его слова:

— Меня Сергей со Светланой попросили оставить их вдвоём. Вот я и не противился. Дело, знаете ли, молодое. Всякое бывает! Сам я сразу отправился на работу и несколько человек видели меня там, в указанное Вами время.

Следователя устроило услышанное объяснение. Он дал свидетелю подписать бланк

протокола.

После чего занес свою шариковую ручку остриём над новым листом бумаги:

— Валерий Ильич, не могли бы Вы припомнить — кто еще видел вас всех троих вместе? И в ресторане, и когда направлялись к гостиничному номеру Сергея Калуги?

Не дождавшись ответа, ещё более тщательно подбирая слова, следователь сформулировал еще иначе непростой вопрос:

— А так же не знаете ли, кто мог бы сообщить об этой встрече с Сергеем Калугой мужу Светланы Моисеевны?

Дадюшин в раздумье поморщил лоб и признался:

— Очень многие. Почти весь штат, дежуривший в гостинице.

И пояснил:

— Сами понимаете, что любому обиженному хочется отомстить за себя. А уж Светлана Моисеевна была весьма строгим администратором.

— Да, конечно! — не мог не согласиться следователь.

Вновь дал подписать протокол. После чего выключил магнитофон, на котором вел дублирующую запись беседы:

— И, думаю, Вам еще повезло, что избежали момента, когда полковник начал стрельбу, а тот

Ваш приятель — поножовщину!

Дадюшин чуть со стула не подпрыгнул:

— Никакой он мне вовсе ни друг, ни приятель. Так, случайный попутчик, которого после поезда пригласил пообедать в ресторане.

Следователь не стал уточнять размер дружественности между свидетелем и сбежавшим подозреваемым в умышленном убийстве человека.

Он взял у Валерия Дадюшина бланк пропуска. После того, как расписался на нем, еще и посоветовал:

— Сейчас идет активный поиск преступника. Так что, сами знаете, как вести себя при случайной с ним встрече...

— Сообщить в ближайшее отделение милиции, — понятливо ответил Валерий Ильич. — Так и сделаю! Можете не сомневаться.

— Только и поостерегитесь. Мало ли что может случиться, — начал было говорить следователь, но его перебил собеседник.

Не дожидаясь полной формулировки совета, по-своему продолжил его мысль хозяин фирмы подержанных автомобилей:

— Только вот как бы он, этот самый маньяк Калуга и меня того — своим острым ножичком тоже не задел.

— Не заденет, — горько усмехнулся следователь, всем своим примером демонстрируя

библейскую истину о том, что многие знания — причина большой печали. — Этот тип преступников опасен лишь в момент душевного потрясения, а так парень как парень, чья вина лишь, что не устоял перед чарами красавицы.

— Да, действительно, — согласился Дадюшин. — Светлана Моисеевна была роковой женщиной.

Он не стал и далее продолжать тогда в том же духе, чтобы не накликать и на себя беды.

Перевёл разговор совсем на другую тему:

— Так все говорит, что убийство было непреднамеренным?

— Если судить по имеющимся фактам, то именно так дело и могло обстоять, — не поскупился на откровенность следователь. — Полковник Крутилин, войдя в номер и увидев свою жену в обнимку с любовником, сначала устроил скандал, после чего открыл стрельбу на поражение из служебного табельного оружия.

— Выходит, что обороняясь от стрелявшего в него ревнивого мужа любовницы, Калуга убил его своим ножом, после чего скрылся из гостиницы в неизвестном направлении, — поддакнул главный свидетель перед тем, как уйти от следователя.

...Теперь, после того как прошло некоторое время после этого допроса, Валерий Дадюшин не переставал иронизировать по поводу простодушия

блюстителей Закона:

— Хорошая версия у следствия. Совсем как нами задумывалась!

Продолжал усмехаться Валерий Ильич и после того, как вернулся к себе в офис «Секонд Кара». Теперь ждал там вестей из ближнего пригорода Новосибирска, которыми осталось еще крепче подтвердить версию сыщиков:

— Ведь, настоящим подарком для следствия станет находка в лесопарковой зоне у остановки электропоездов, трупа самого убийцы, не выдержавшего угрызений совести.

— И тогда, точно, можно будет закрывать вопрос, — улыбнулся своему успеху в проведённой акции, Валерий Ильич. — Дело сделано.

Но в этой день Дадюшину так и не пришлось до вечера пробыть в собственном кабинете.

Секретарша, глаза которой светились сочувствием, заговорила вовсе не о причинах вызова в милицию:

— Валерий Ильич, тут был звонок.

Жеманно улыбаясь, разморенная духотой девушка раскрыла блокнот, чтобы дословно изложить суть просьбы, прозвучавшей по телефону:

— Просили срочно передать, что Борис ждет Вас в гараже.

— Когда?

— Будет там до вечера, пока машину ему

ремонтируют.

Услышанная от секретарши информация, на самом деле, оказалась весьма важной для её шефа. Уже потому что полностью изменила все предыдущие планы руководителя предприятия.

— Меня сегодня больше ни для кого нет! — круто повернулся Дадюшин к двери, в которую только что вошел. — Все звонки записывай, завтра расскажешь.

Из-за порога донеслось последнее, что вообще услышала секретарша от своего взбалмошного шефа:

— Пока!

Его скорости, показанной при покидании двухэтажного офиса, мог бы позавидовать иной спринтер, если бы, конечно, он не так боялся любой секунды промедления, как хозяин фирмы «Секонд Кар».

Поводов торопиться у Валерия Ильича, было, сколько хочешь, но один перевешивал все остальные:

— Борис никогда не звонил на работу к Дадюшину. И, тем более, никогда не назначал ему встречу через секретаршу.

Стало ясно:

— Значит, случилось такое, что не было предусмотрено никакими планами их, совместной с Борисом, хитроумной затеи с убийством

полковника Крутилина.

...Нужный гаражный кооператив Валерий Дадюшин отыскал бы и с завязанными глазами. Хотя и бывал в нем не так уж часто, а только вот в таких, как сегодня — чрезвычайных обстоятельствах.

Поставив свой автомобиль у въезда в вотчину частных автомобилистов, по территории гаражно-строительного кооператива, до нужного ему, бокса Дадюшин дошел пешком.

Благо, что бывлые лужи, замеченные им весной, перед поездкой в отпуск, уже успели высохнуть. И теперь не нужно было обходить их, прижимаясь к замкам и засовам на самих гаражах.

На месте, у раскрытых ворот, под поднятым капотом «Жигуленка», как обычно, возился седой старик в пресловутых, вытянутых на коленях, тренировочных брюках, в кожаных тапочках на ногах, а также в замасленной майке, напяленной поверх плотного загорелого торса, выдававшего в пенсионере недавнего здоровяка.

— Привет, дядя! — стараясь выглядеть не так подавленно, как было на самом деле и, скрывая свои чувства за внешней фамильярностью, Дадюшин костяшкой указательного пальца глухо постучал по, сияющему на закатном солнце, лобовому стеклу малолитражки. — Вызывали, так я пришел.

— Вижу, что пришел, нарисовался, и года не прошло! — с явной неохотой отрываясь от своего важного ремонтного дела, обернулся к нему седовласый автомобилист. — Борис велел тебе передать, что сегодня к пяти вечера будет ждать прямо в поликлинике.

Порученец степенно достал из заднего кармана треников мятый носовой платок и смахнул им пот со своей загорелой лысины:

— Сам знаешь, в какой.

Не переспрашивая, и не прощаясь со старым грубияном, Валерий Дадюшин демонстративно повернулся на пятках, словно передразнивая старого служаку и не теряя напрасно времени, пошел знакомым маршрутом обратно к своей машине. Собираясь быть в условленном месте — еще раньше, чем ему было велено через лысого связного.

Такое рвение не могло бы понравиться человеку, назначившему встречу. Но откуда тому было знать степень душевного смятения Дадюшина, уже после четырех часов дня, дежурившего в своей машине напротив входа на территорию медсанчасти машиностроительного завода?

Самое лучшее в областном центре, это лечебное учреждение обслуживала не только работников своего базового предприятия, но и

сотрудников и служащих многих властных структур.

В том числе — заместителя начальника городского управления БХСС, подполковника милиции Бориса Сергеевича Тукачева.

Вообще-то он обычно не жаловался на здоровье, но сегодня у него необычный день — накануне вечером убили начальника управления — полковника Крутилина. Погибла и того жена.

Так что, для всех сослуживцев было вполне естественным — что именно ему и пришлось взять на себя не только служебные, но и организаторские заботы по части выполнения всего положенного траурного ритуала, а затем и погребения старшего товарища.

Тот, хотя и совершил из ревности тяжкое преступление, устроив пальбу из «Пистолета Макарова» в гостиничном номере, но память о нем продолжала пользоваться сочувствием сослуживцев.

— Все эти волнения не прошли даром, — не скрывал подполковник к концу беспокойного дня от своих сослуживцев.

Потому Тукачев к пяти вечера, когда в их управлении схлынул поток обычных пациентов, и отправился на неотложный прием к своему личному кардиологу.

— Подожди у ворот, нечего на въезде мешать

«Скорым»! — велел подполковник своему водителю.

После чего зашагал через парк к поликлинике.

Там, не доходя несколько десятков метров до дверей подъезда регистратуры, он свернул в сторону служебного входа, где уже и поджидал его Дадюшин.

О том, какое волнение испытывал Валерий Ильич, можно было судить по нескольким свежим окуркам у его ног. Тогда как за очередной сигаретой, он потянулся уже на глазах офицера. Снова достав из кармана пачку «Мальборо».

Однако закуривать раздумал, увидев злое выражение лица подполковника милиции.

— Что, разгильдяй, лошара ты простодырая, опять напортачил? — вместо приветствия рыкнул Тукачев на коммерсанта.

— Не понимаю, о чем, Вы, Борис Сергеевич? — еще больше переменялся тот в лице. — В чем таком напортачил, как Вы говорите?

— Все узнаешь, а пока расскажи, как на самом деле было в гостинице?

Валерий Дадюшин впервые, рассказывая о трагедии в «Интуристе», не стал скрывать ни одной детали. Все поведал собеседнику именно так, как это происходило на самом деле.

...Калугу они уже давно отвезли в тот вечер подальше из «Интуриста», когда там, в номере,

снятом этим молодым таежником, появился полковник Крутилин.

Странный телефонный звонок оторвал его от любимого занятия — сервировки праздничного стола по случаю приезда любимой жены с курортного лечения.

Правда, Светлана почему-то была вынуждена «на минутку», как она сама сказала, сбегать на работу. Где почему-то надолго — несколько часов задержалась.

И супруг уже начинал нервничать, когда вдруг заработал домашний телефон. Дерзко разбудив тишину пронзительным звоном.

— Алло, это квартира полковника милиции Крутилина? — поинтересовались на том конце провода.

— Да! В чем дело?

— У Вашей жены большие неприятности! Приезжайте срочно в «Интурист». Вас ждут в номере...

Назвав цифру, незнакомец бросил трубку.

— Что за дьявол? — чертыхнулся в сердцах Крутилин и принялся облачаться в служебный мундир.

Как бы там ни было, а при любой неприятности надлежало сохранять достоинство. Да и с высоты своего должностного положения ему было проще всего лично, не посвящая никого